

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
Отделения
историко-
филологических
наук

2020

Том 10

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

Москва
2021

УДК 930
ББК 63
Т78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия: В.И. ВАСИЛЬЕВ, В.Л. КЛЯУС, Н.А. МАКАРОВ,
А.М. МОЛДОВАН, Н.В. ТАРАСОВА (составитель),
В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор)

Рецензенты:

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Е.И. ПИВОВАР
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН В.В. ПОЛОНСКИЙ

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Т78   **Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отд-ние ист.-филол. наук РАН.** — М.: РАН, 2021. — 320 с.

2020. Том 10 / Отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. — М.: РАН, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-907366-21-3

В первой части очередного выпуска трудов Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) публикуются материалы научной сессии Общего собрания Отделения «75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.). В статьях учёных, представляющих различные научные и учебные учреждения страны, показано осмысление исторической наукой политических, хозяйствственно-экономических и социокультурных аспектов развития атомной отрасли в России. Во второй части представлены труды членов ОИФН РАН, профессоров РАН, учёных-гуманитариев, в которых освещаются важные вопросы в области отечественной истории, востоковедения, древнерусской архитектуры, литературоведения, языкоznания. Третья часть включает статьи по истории науки, посвящённые изучению наследия российских учёных.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907366-21-3

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2021
© Тарасова Н.В., составление, 2021

Содержание

<i>Тишкин В.А.</i> Предисловие к 10-му тому «Трудов Отделения историко-филологических наук РАН»	4
Часть 1. Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «75 лет Атомного проекта: взгляд историка» (7 декабря 2020 г.)	
<i>Батурина Ю.М.</i> Консолидация участников будущего атомного проекта (Историко-литературное эссе)	9
<i>Малькова В.Л.</i> Атомная проблема в межсоюзнических отношениях	30
<i>Побережникова И.В., Мельникова Н.В.</i> Повседневность закрытых атомных городов СССР	35
<i>Козлова В.П.</i> Документальная публикация «Атомный проект СССР» с позиций современной теории археографии	51
<i>Мухин М.Ю.</i> Советские АЭС постсоветского пространства	58
Часть 2. Актуальные вопросы гуманитарных наук	
<i>Батурина Ю.М.</i> Динамика позиции РСФСР по отношению к Союзному договору (1990–1991)	65
<i>Попова И.Ф.</i> Легитимация императорской власти танской У Цзэтянь (624–705)	81
<i>Седова Вл.В.</i> Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском: основные проблемы изучения архитектуры	98
<i>Силянтьев И.В., Капинос Е.В.</i> Эволюция понятия сюжета в контексте современных сюжетографических исследований	119
<i>Муллонен И.И.</i> Карельские рукописные памятники письменности: проблемы языковой атрибуции	133
<i>Усачёва А.С.</i> Писцы рукописных книг и внутренние миграции в России XVI века	146
<i>Данилко Е.С.</i> Поиски Беловодья в казачьих дневниках	198
<i>Зайцев И.В.</i> Османский Коран из коллекции Оренбургского Губернаторского историко-краеведческого музея	209
Часть 3. Из истории науки	
<i>Сидорова Л.А.</i> Научное наследие С.М. Соловьёва в исторической науке России: К 200-летию историка	216
<i>Алиева А.И., Мунаев И.Б.</i> Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв.	230
<i>Загребин А.Е.</i> Финно-угорские исследования в Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1830-е – 1910 гг.): предварительный обзор	271
<i>Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.</i> «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (Академик С.А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.)	278
Список сокращений	316
Сведения об авторах	318

**«Вот в какое время мы жили,
и замолчать этот факт я не могу...»**

(Академик С. А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.)

B. Г. Ананьев, М. Д. Бухарин

Аннотация: В 1930 г. советские научные учреждения подверглись люстрационным кампаниям, так называемым чисткам. Сотрудники учреждений проверялись на личную лояльность режиму, рассматривалось их соответствие господствовавшим представлениям о должном «моральном облике» советского учёного. Зачастую эти кампании служили возможностью для сведения счётов или для прикрытия части персонала за счёт «сакральной жертвы». Академик С. А. Жебелёв явился такой фигурой в ГАИМК, которая подверглась «чистке» в июле 1930 г. Ему вменялись в вину как уже полузабытые «грехи» — «некорректные заимствования» при написании научно-популярных работ и учебных курсов, так и более серьёзные проступки, выходившие на уровень уголовных преступлений, — покупка за счёт казённых средств по значительно завышенной цене библиотеки покойного коллеги и друга Б. В. Фармаковского с целью помочь вдове учёного. Несмотря на тяжесть обвинений С. А. Жебелёву фактически удалось «выйти сухим из воды». Вероятно, ему была оказана помощь председателем ГАИМК Н. Я. Марром и помощником директора Эрмитажа И. А. Орбели. Этот эпизод биографии С. А. Жебелёва и деятельности ГАИМК стоит особняком в череде репрессивных кампаний, охвативших советскую науку на рубеже 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: история науки, история СССР, археология, академия наук СССР, ГАИМК, «чистки», С. А. Жебелёв.

Радикальные общественные трансформации — революции Нового и Новейшего времени — неоднократно сопровождались репрессиями со стороны «победителей» в отношении «побеждённых», так называемыми чистками. Неугодных, «подозрительных» искали и «вычищали» и в ходе Великой французской революции, и в ходе, и по завершении других переворотов. Не стали исключением и русские революции 1917 г. Люстрационные акции в СССР продолжались несколько десятилетий. «Чистки» в какой-то момент стали настолько привычным элементом советской действительности 1920–1930-х гг., что в сатирическом освещении даже вошли в сюжетные линии художественной литературы (например, в роман «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова). Между тем, действительность, несмотря на привычность, была отнюдь не смешной, а жестокой и трагичной [см., например: *Ватлин, Канторович, 2001: 123–131*].

Сфера науки не стала здесь исключением. «Чисткам» подвергались архивы [Копылова, Хорхордина, 2018: 3–17], библиотеки [Зеленов, 2000: 129–141], музеи [Соломаха, 2016: 459–626; Захарова, Бояркин, 2019: 130], структуры высшего образования [Фоминых, Шандала, 2016: 177–182]. Эти процессы шли не только в столичных, и не только в собственно российских

научных и культурных центрах, но и вдали от них [Левченко, 2019: 175]. «Вычищались» в частности институты, работавшие в сфере археологии и искусствознания. Эта кампания проходила летом 1930 г. Некоторые архивные документы до сих не привлекли внимание историков¹, другие же постепенно вводятся в научный оборот.

Показательной во многих отношениях является кампания по «чистке» Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде, созданной в 1919 г. в качестве преемницы Археологической комиссии и на рубеже 1920–1930-х гг. обретшей статус наиболее влиятельного научного учреждения страны в области изучения материальной культуры [Носов, 2013]. По словам Н. И. Платоновой, «чистка и предшествующие ей увольнения резко изменили обстановку в ГАИМК. Вся прежняя структура Академии в 1929–1930 гг. оказалась сломана» [Платонова, 2010: 235], что имело самое непосредственное влияние не только на изменение кадрового состава [Носов, 2013: 111–112], но и на содержание проводившихся здесь исследований, в рамках которых археологическое источниковедение всё больше оттеснялось на задний план. Это, в свою очередь, вело к тому, что Л. С. Клейн определял как характерное для данного периода «распредмечивание археологии» и утрату ею «своего узкого вещеведческого профиля» [Клейн, 2014: 119, 108]. Материалы данного процесса хранятся в Рукописном отделе научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 4) и являются ценным источником по истории отечественной науки эпохи тоталитаризма.

В рамках данного процесса в числе прочих внимание членов Комиссии по чистке привлекла фигура академика С. А. Жебелёва (1867–1941)², который как нельзя лучше подходил на роль жертвы такого судилища. Жебелёв — «фактопоклонник» дореволюционной традиции, на момент проведения «чистки» — далёкий от доминирующих теорий и идеологий — был связан с ГАИМК с момента её основания. С 1919 г. он заведовал здесь архивом, возглавлял Отдел Эллады и Рима [Носов, 2013: 347], а с 1923 по 1928 гг. был товарищем председателя, что при общей занятости председателя Н. Я. Марра, обременённого рядом других должностей и регулярно уезжавшего в командировки, а также в условиях летнего экспедиционного сезона нередко делало именно Жебелёва фактическим главой учреждения. Его письма коллегам середины 1920-х гг. пестрят упоминаниями об активной административной работе в Мраморном дворце, где располагалась ГАИМК. Однако рубеж 1920–1930-х гг. стал для учёного во многом поворотным периодом.

Репутация Жебелёва в глазах властей была «запятнана» участием в издававшемся в Чехословакии сборнике «Seminarium Kondakovianum» [Жебелёв, 1928: 1–19], во втором томе которого он поместил статью памяти академика Я. И. Смирнова. Статья содержала ряд характеристик как событий

¹ См.: Дело о проверке работы и чистке аппарата Института археологии и искусствознания (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2512 (6 июля 1930 г.); Протоколы заседаний комиссии при Президиуме РАНИОН по проверке личного состава Научно-исследовательского института археологии и искусствознания (копии), анкеты и списки сотрудников (ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 137 (1929–1930)).

² Краткое изложение событийной канвы см.: [Носов, 2013: 166–167].

недавнего прошлого, так и отдельных лиц из числа коллег, которые, вероятно, и для самого Жебелёва имели отнюдь не проходное значение. Есть все основания считать, что он был доволен этой публикацией и стремился познакомить с ней близких коллег. Так, например, 4 ноября 1928 г. он писал своей ученице А. И. Болтуновой (Амиранишвили): «Наверное, Чубинашвили получил II т. Сборника Seminarii Kondakoviani. Возьмите его и прочитайте мою статью о Я. И. Смирнове» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 48 об.).

Эта публикация стала поводом к началу кампании травли учёного, который являлся членом трёх выборных комиссий на выборах в АН СССР 1928 г. Кампания находилась под личным контролем первых лиц партийно-государственного аппарата Ленинграда и Москвы [Ананьев, Бухарин, 2020 с]. В итоге Жебелёв был вынужден публично покаяться в содеянном и отречься от дружеских и коллегиальных отношений с академиком-эмигрантом М.И. Ростовцевым — своим давнишним товарищем, который ещё за год до описываемых событий принимал активное участие в продвижении кандидатуры Жебелёва в академики [см. подробнее: Тункина, 2000: 120, прим. 10 (литература по теме); Тункина, 2015: 128–134]. Всё это не могло не сказаться и на его положении в ГАИМК. Так, 18 апреля 1930 г. он имел все основания писать Болтуновой (Амиранишвили): «...моя роль в Академии материальной культуры окончилась после имевшего место в прошлом сезоне “инцидента”» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 79 об.).

Толчком к кампании «чисток» конца 1920-х — начала 1930-х гг. послужила резолюция XVI конференции ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 г. Были, в частности, принятые постановления ЦИК и СНК СССР «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» и «Инструкция НКРКИ по проверке и чистке советского аппарата»³. «Чистка» началась с партийных органов, затем дело дошло до наркоматов. Так, в январе 1930 г. начали «чистить» Наркомпрос⁴. К этому времени уже бушевало «Академическое дело» — репрессивный маховик, вгонявший Академию наук СССР в прокрустово ложе советизации. Начало ему в 1928 г. было положено упоминавшимся выше «делом» Жебелёва, призванным заставить АН СССР принять в свои ряды кандидатов, угодных советскому режиму.

В процессе «чистки» в ГАИМК Жебелёву было предъявлено два обвинения: покупка библиотеки коллеги и друга Б. В. Фармаковского (с 1921 г. и вплоть до смерти в 1928 г. бывшего учёным секретарем ГАИМК) в пользу ГАИМК за счёт средств учреждения по цене, по мнению проводивших «чистку», значительно превышавшей разумную, и с тем, чтобы, прежде всего, оказать услугу жене покойного товарища, и использование «некорректных заимствований» в ряде научно-популярных работ. Последнее обвинение фигурировало и активно использовалось против кандидатуры Жебелёва уже в ходе академических выборов 1927 г. [Подробнее см.: Ананьев, Бухарин, 2019].

³ Опубликованы: Правда. 1929. 2 июня. № 124. С. 4.

⁴ Перед чисткой Наркомпроса // Правда. 1929. 16 декабря. № 296. С. 2.

В момент проведения «чистки» ГАИМК возглавлял академик Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — историк, археолог, филолог, специалист по истории и литературам Кавказа и Закавказья, действительный член Императорской академии наук (1912), создатель «Нового учения о языке», один из основателей и председатель РАИМК (ГАИМК) в 1919–1920 и 1923–1934 гг. С 3 марта 1930 г., т.е. на момент описываемых событий, Марр был вице-президентом АН СССР [о взаимоотношениях Марра и Жебелёва см.: *Ананьев, Бухарин, 2020а: 52–67; Ананьев, Бухарин, 2020б: 698–718*]. С одной стороны, Марр обладал исключительным административным ресурсом, его «Новое учение о языке» было провозглашено единственным правильным новым словом марксистского языкоznания, дающим ответы практически на все вопросы. С другой стороны, он, очевидно, ещё в ходе «дела» Жебелёва в 1928 г. осознал всю тяжесть угрозы, нависшей в стране над академической наукой; его реакция на обвинения в адрес Жебелёва — не только старого товарища, коллеги по академическому цеху, но и сотрудника ГАИМК — была достаточно жёсткой [см.: *Ананьев, Бухарин, 2020б: 698–718*], и ему нужно было предпринять определённые шаги с тем, чтобы репутация подведомственного ему учреждения не пострадала. При этом он всеми доступными средствами стремился обеспечить безопасность старого товарища.

Руководил «чисткой» ГАИМК председатель Комиссии по обследованию и чистке подведомственных Наркомпросу РСФСР учреждений Тихомиров. Как отмечает К. А. Кумпан, «идентифицировать этого чиновника Наркомпроса пока не удалось» [Кумпан, 2011: 629, прим. 376; об участии Тихомирова в «чистке» Наркомпроса: см. Кумпан, 2011: 542, 546, 585–586, 589, 590, 600, 609, 611, 619–620]. Тихомиров участвовал и в «чистке» Государственной публичной библиотеки [Тихомиров, 2007: 136–142], он же был одним из руководителей «чистки» и самого Наркомпроса [Тихомиров, 1930: 8].

Со стороны ГАИМК главными обвинителями выступали О. О. Крюгер, Б. Л. Богаевский и С. А. Семёнов-Зусер. Впрочем, они могли опереться на широкие ряды «общественности», и не только научной. Так, к противникам Жебелёва присоединилась сотрудник архива ГАИМК Косточкина⁵.

Ото Оскарович Крюгер (1893–1967) — историк-антиковед, папиролог, эпиграфист — в 1918 г. окончил классическое отделение историко-филологического факультета Петроградского университета, где учился у выдающихся представителей российского антиковедения — М. И. Ростовцева, С. А. Жебелёва, Г. Ф. Церетели, Ф. Ф. Зелинского, О. Ф. Вальдгауера, Б. В. Фармаковского, А. Ю. Малеина. С начала 1920-х и вплоть до конца 1930-х гг. (Крюгер будет арестован в 1937 г.) он являлся сотрудником Эрмитажа и ГАИМК. В Эрмитаже он примыкал к группе В. В. Струве [Соломаха, 2016: 33, прим. 85], отношения которого с Жебелёвым складывались чрезвычайно непросто и, вероятно, в глазах последнего был ярким представителем

⁵ Достоверно идентифицировать носителей фамилий Масленников, Фёдоров, Тихонов, Михайлова (вероятно, сотрудник бухгалтерии ГАИМК, выдававшая справку о сумме, потраченной на приобретение библиотеки Б. В. Фармаковского), участвовавших в процессе, не удалось. Стенографистки, фиксировавшие ход собрания, явно были не знакомы с именами участников, допускали многочисленные ошибки в их написании, а иногда и вовсе — оставляли на месте не рассыпавшейся фамилии отточия. Позже экземпляр стенограммы, отложившийся в итоге в архиве ИИМК РАН, никем не правился.

того «немецкого засилья в Эрмитаже», с которым Жебелёв, не чуждый ксенофобских настроений, считал должным бороться. Возможно, Крюгер входил в число тех «молодых египтологов», которых, как полагал сам Жебелёв, Струве в конце 1924 г. привлёк для того, чтобы не допустить его изображение в возглавлявшийся Марром Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока [см.: *Ананьев, Бухарин, 2020а: 507–508*]. В своих обвинениях Крюгер сконцентрировался на случаях некорректных заимствований, допущенных Жебелёвым в научно-популярном двухтомнике «Введение в археологию».

Борис Леонидович Богаевский (1882–1942) — филолог, историк-антиковед, специалист по крито-микенской эпохе — в 1908 г. также окончил классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, в 1916 г. защитил там же магистерскую диссертацию «Земледельческая религия Афин» и стал приват-доцентом. Впрочем, в том же году он был командирован в Пермь, где создавался местный университет, и обратно (через Томск) вернулся в 1922 г. Тогда же он поступил на службу в ГАИМК и родной университет. В первой в 1930 г. он возглавлял Разряд древних культур Средиземноморья, а во втором был проректором по учебной части. Именно тогда Жебелёв был уволен из университета, в котором преподавал с 1899 г., где был деканом, проректором и даже ректором. В период расцвета марризма Богаевский активно демонстрировал свою научную близость новому учению и пользовался весьма неоднозначной репутацией среди коллег [см.: *Копржива-Лурье, 1987: 111–116*], хотя его место и значение в истории отечественной науки всё ещё изучены недостаточно полно [Крих, 2020: 59–91]. Выступая с критикой Жебелёва, он не только указал на фактические ошибки последнего при расценке книг библиотеки Фармаковского, но, сохранив формальное признание заслуг учёного в прошлом, выдвинул против него тяжёлое обвинение в том, что очень скоро будет принято называть вредительством. Подчеркнув, «постоянное пренебрежительное отношение» Жебелёва «к нашей советской действительности и к тем вашим товарищам, которые шли и с большим трудом, перерабатывая себя, стремились установить новые методы», он отметил: «По-моему, вы всё время работаете, как представитель старой науки и, защищая традиции старой науки и старые методы. В этом отношении Вы были последовательны. Вы работали в советских условиях, давая советской действительности второсортную продукцию, в то время, когда вы имеете все основания давать первосортную». Через десять лет после описываемых событий, 17 октября 1940 г., Жебелёв будет писать М. И. Максимовой: «Сегодня, беседуя в какой-то связи в секторе о покойном музее древностей, услышал замечание Ковалева: “А знаете ли Вы (я), кто — виновник закрытия Музея Древностей”. “Не знаю”, сказал я. “Богаевский”. “Что же, сказал я, к своему крито-микенскому венку он прибавил лишний лавр”. Возражения не последовало. Sic transit gloria⁶ уж не знаю, кого или чего» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 71).

⁶ Так проходит слава (*лат.*). Частично цитируется «крылатое выражение» “Sic transit gloria mundi” — «так проходит слава мира».

Наконец, археолог и антиковед, специалист по истории скифов Семён Анатольевич Семёнов-Зусер⁷ (1887–1951) в отличие от Крюгера и Богаевского не принадлежал к числу непосредственных учеников Жебелёва по университету. В 1914 г. он окончил Петербургский археологический институт, с 1920 г. работал в Николаевском историко-археологическом музее, затем — в Одесском институте народного образования, а в 1929–1933 гг., т.е. в момент описываемых событий, был учёным-хранителем (учёным-археологом) Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Т. 1. Д. 2877). С 1930 г. он был сотрудником Сектора античных формаций ГАИМК. В 1933 г. Семёнов-Зусер сам стал жертвой «чисток» и был вынужден переехать из Ленинграда в Харьков [см. детали его биографии 1930–1940-х гг.: Кузьминых, Белозерова, 2014: 233–236, 272, 284].

Крюгер и Семёнов-Зусер год спустя будут входить и в состав Комиссии по «чистке» аппарата Эрмитажа [Соломаха, 2016: 587]. Жебелёв в письме Болтуновой (Амиранишвили) от 23 апреля 1931 г. откликается на это следующими словами: «Слышал, что при проходившей в Эрмитаже «чистке» Крюгер, Зусер и Богаевский громили Мацулевича, Кубе, Максимову, причем о последней Богаевский высказался в том смысле, что она в научном отношении — ничтожество. Ведают бо, что творят» (СПбФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 54 об.). А ещё через год, 19 июня 1932 г., напишет тому же адресату о своей новой работе, что она «послужит той науке, которая раньше называлась филологией, а как называется теперь, после того как к ней прикоснулись Богаевские, Семёновы, Зусеры, Раисы Шмидт, Колобовы и им подобные, сказать не берусь. К такой трансформации филологии руку приложили и Марр, и его «подвывалы», к числу которых принадлежит и О. М. Фрейденберг. Но грех их меньше, чем грех таких господ, как Крюгер, Кагаров⁸ и т.п., которые прошли настоящую и хорошую школу, но приносят ей теперь один срам и поношение» (СПбФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 115 об.). Обвинения, прозвучавшие в 1930 г. в ГАИМК, явно забыты не были, хотя отказ признать за Богаевским «настоящую и хорошую школу» из уст одного из его университетских учителей звучал довольно странно.

Довольно развёрнуто по делу Жебелёва выступил археолог и искусствовед Павел Николаевич Шульц (1900–1983), ученик по университету и Институту истории искусств О. Ф. Вальдгауера, у которого с Жебелёвым были более чем натянутые отношения. Аспирант ГАИМК с 1926 г., Шульц в 1930 г. стал сотрудником Сектора античных формаций, служил в Эрмитаже. Он хотя и поддержал обвинения, выдвинутые против учёного, однако постарался их смягчить, упирая на нужность Жебелёва научному сообществу.

Определенно, важную роль в развернувшемся о(б)суждении Жебелёва сыграл Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961). На момент «чистки» ГАИМК Орбели, стоявший у истоков ГАИМК, занимавший здесь несколько

⁷ В стенограмме именуется «Семенов-Зуслов».

⁸ Кагаров Евгений Георгиевич (1882–1942) — историк, филолог-антиковед, этнограф; профессор Харьковского (1914–1925) и Ленинградского (1925–1942) университетов, сотрудник МАЭ. Репрессий избежал, скончался вскоре после эвакуации из блокадного Ленинграда.

ответственных административных постов, а с 1929 г. возглавлявший Разряд средневековых культур Кавказа и Ирана, был не только членом-корреспондентом АН СССР, помощником директора Эрмитажа и заведующим кафедрой истории материальной культуры Востока университета, но и депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. Его формулировки относительно Жебелёва были едва ли не самыми жёсткими, однако, при этом немало отрезвляющих слов им было сказано и в отношении обвинителей, например, Б. Л. Богаевского. Орбели был возмущен тем, что обвинения против Жебелёва были выдвинуты спустя много лет после того, как деяния, вменяемые ему в вину, имели место. При этом обвинители, по словам Орбели, долгое время молчали и лишь воспользовались подходящим случаем для того, чтобы обрушиться на престарелого коллегу в собственных интересах.

Горячее участие Орбели в обсуждении случая Жебелёва могло иметь причиной не только знаменитый «бешеный» темперамент будущего директора Эрмитажа. Возможно, к защите Жебелёва (а в тех условиях такое выступление было именно защитой) Орбели подтолкнуло чувство вины. По мнению некоторых современников, он имел непосредственное отношение к развертыванию кампании против учёного в 1928 г., хотя о степени осознанности такого участия существовали различные мнения. Например, жена непременного секретаря АН СССР С. Ф. Ольденбурга Елена Григорьевна, прекрасно осведомленная о состоянии дел внутри Академии, записала в дневнике, что Орбели, недовольный содержащейся в статье Жебелёва фразой о том, что «ненапечатанные материалы Я. И. Смирнова, как ему известно, находятся у И. А. Орбели (этими словами, по мнению Орбели, Жебелёв набросил на него тень), стал повсюду кричать о статье Жебелёва, указывая на ее несоветский тон, толкуя неудачные выражения и т.д. Своими криками он обратил на эту статью внимание коммунистов Эрмитажа <...> и дело пошло» [цит. по: Тункина, 2000: 121]. М. И. Максимова, коллега Орбели по Эрмитажу и давний конфидент Жебелёва, в составленных уже значительно позднее «экскурсах» к письмам старшего коллеги также указывала на эту роль Орбели, но трактовала её гораздо более негативно как осмысленное злокозненное поведение (СПБФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 217 и далее). Впрочем, вероятно, её могли подтолкнуть к этому и личные трения с Орбели. Как бы то ни было, и в 1928 г. [Тункина, 2000: 123–124], и в 1930 г. в своих публичных выступлениях Орбели явно не пытался ещё больше ухудшить и без того тяжёлое положение Жебелёва.

Жебелёв все же не был одинок перед своими обвинителями. Одним из немногих, кто отважился открыто его защищать, стал совсем молодой археолог-антиковед Александр Николаевич Карасёв (1902–1972). В 1925 г. он приступил к изучению археологии в университете, где учился, в том числе у Б. В. Фармаковского. С 1928 г. и до конца жизни он работал в ГАИМК, занимаясь исследованием античной Ольвии, а также ряда других городищ. Вероятно, в развернувшейся дискуссии Карасёв, в 18 лет добровольцем ушедший на Балтийский флот, чувствовал себя довольно уверенно и, опираясь на революционное прошлое, мог смело высказывать собственное мнение, расходившееся с мнением обвинителей.

В целом на стороне Жебелёва выступил и специалист по археологии доисламского Согда Георгий Васильевич Григорьев (1898–1941). С 1929 г. он работал в ГАИМК, перейдя сюда из ташкентского Среднеазиатского университета. Лишь в 1930 г. Григорьев окончил ЛГУ по специальности археолог-музеевед [Длужневская, 2011: 152–153, 173].

Любопытно отметить, что стенограмма «чистки» является не единственным источником, в котором нашло отражение обсуждение в ГАИМК «прегрешений» академика Жебелёва. На следующий день он сам написал письмо с размышлениями о произошедшем присутствовавшей на процессе Максимовой, а несколько десятилетий спустя уже Максимова описала этот вечер в подробных комментариях к письмам Жебелёва. При этом даже в этих комментариях (составленных, вероятно, во второй половине — конце 1960-х гг.) она не решилась назвать вещи своими именами, отметив, что имело место «заседание месткома, с приглашением представителей судебных органов, и вёл собрание председатель суда» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 217).

По словам Максимовой, «суд длился несколько часов подряд и закончился в 11-м часу ночи <...> Начиналась уже белая ленинградская ночь, когда мы с Сергеем Александровичем вышли из Мраморного дворца. Видимо, Сергей Александрович ещё не успокоился, и мне не хотелось оставлять его в таком настроении одного. Не спеша, мы три раза обошли с ним вокруг Марсова поля, и только после этого он направился пешком домой на Васильевский остров, а я пошла к себе в противоположную сторону» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 220).

На следующий день Жебелёв писал Максимовой: «... всё-таки, очевидно, вчера я устал сильно: заснув в час, я в три уже проснулся и далее спать не мог. Было много времени для “переживаний”» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 42). Вновь одним из самых тяжелых стало наблюдение за поведением коллег: «Я всю ночь не мог отделяться от мысли о Т.-К.⁹ Как она старалась! Даже в колхоз ездила. А вчера — она сидела от меня через стул — она, во время речи председателя, почти всё время говорила настолько громко, что он должен был слышать: вот это верно, прекрасно, правильно и т.п. Невольно приходят на память слова из “Дамы с камелиями” — *come è bizarre la nostra esistenza*¹⁰ — цитирую по-итальянски, ибо в своё время слушал эту пьесу много раз...» (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 43–43 об.).

Следует отметить, что по догадкам Максимовой, к положительному исходу процесса и оправданию Жебелёва вполне мог быть причастен Марр, обладавший существенным административным авторитетом и имевший возможность «надавить» на судей (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 151. Л. 223).

⁹ Тиханова-Клименко, Мария Александровна (1898–1981) — археолог, в РАИМК с 1920 г., председатель месткома ГАИМК. Она была вычищена из ГАИМК в ходе процесса, но быстро вновь принята на службу, а возглавлявший ГАИМК в 1935–1936 гг. Ф. В. Кипарисов вскоре стал её мужем [Платонова, 2010: 234, прим. 1].

¹⁰ «Как странно наше бытие» (*итал.*).

«Чистка» ГАИМК 1930 г. — отнюдь не последнее звено в цепи идеологических трансформаций научных учреждений в целом и историко-археологических в частности. Жебелёв продолжал оставаться чужим на этом «празнике жизни». «“Пролетарская революция” — таково, в общем, положение вещей на фронте научно-исследовательской работы, в частности, на нашем участке исторического исследования в деле изучения истории материальной культуры», — утверждала передовица «Сообщений ГАИМК» за 1932 г. (№ 3–4), — «Основной задачей в этой области является борьба за коренную перестройку работы на основе марксистско-ленинской теории, борьба за захват решающих позиций в научном изучении исторического процесса, за отвоевания этой области у буржуазной науки, за окончательную победу марксизма-ленинизма в понимании и объяснении общественно-исторических явлений, к какой бы эпохе и к какому бы обществу они не относились. А, между тем, где эти решающие работы, которые по-новому, на новой методологической основе исследуют огромный материал, являющийся неисчерпаемым источником изучения истории материальной культуры? Где работы, в которых дается разгром буржуазной археологии и этнографии...? Где анализ идеалистической основы и классовых корней того понимания археологического и этнографического материала, которое характеризует дореволюционные (а подчас и послереволюционные) работы наших археологов и этнографов и современное творчество западноевропейских учёных?» [б.а. 1932: 3]. Фактопоклонник Жебелёв, обвиненный не в погроме, а в многостраничном списывании у буржуазных учёных, никак не умещался в рамки новой реальности.

Тем не менее, удивительным образом слова А. Дюома *«come è bizarre la nostra esistenza»* как нельзя лучше подходят к характеристике дальнейшей научной биографии академика С. А. Жебелёва. Ему удалось уцелеть в молохе репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. Гонимый фактопоклонник, олицетворение «жебелёвщины» в науке, буквально через два года после «чистки» в ГАИМК, Жебелёв становится фактическим главой советского марксистского антиковедения, *volens-nolens* — одним из создателей классической советско-марксистской схемы исторического прогресса, обласканым со стороны государства премиями и званиями. В каком-то смысле, отвергнув прозвучавший на «чистке» призыв Шульца изменить своё понимание истории, «открытием» первой революции рабов на территории СССР Жебелёв всё же доказал, что он «понял, что сейчас установление фактов не дело, что исследовательская работа <...> для работников, включающихся в исследовательскую работу в плане диалектического материализма, требует, чтобы каждый факт освещался на основе определенной теории, чтобы каждый факт брался в диалектической увязке, со всей системой наших представлений об обществе в целом».

* * *

[96]

Стенографический отчёт.

Общее собрание сотрудников ГАИМК, созванное Комиссией по чистке аппарата. 8 июля 1930 г.

[97]

Общее собрание сотрудников ГАИМК, созванное Комиссией по чистке аппарата. 8 июля.

ТИХОМИРОВ. Товарищи, я думаю, что мы начнем. Нам надо будет установить порядок нашего по существу последнего собрания с тем, чтобы закончить его, не перекладывать и не откладывать на несколько дней.

Мы должны закончить по вопросу чистки, по моим расчетам все разговоры около 6 ½, с 6 ½ до 7 час. сделать перерыв. К 7-ми часам мы закончим оформление некоторых решений. В 7 час. начнем делать доклад. Тогда мы сегодня сможем совсем закончить. Я рассчитываю так — сделаем доклад, развернем прения, поработаем 3—4 часа с тем, чтобы закончить в 12 час. и не перекладывать. Нет возражений? (Нет).

Я, товарищи, должен готовить доклад и материал, поэтому меня сегодня будет заменять тов. Масленников — член нашей Центральной Комиссии.

ФЕДОРОВ. Товарищи, прежде чем приступить к характеристике обсуждения данного вопроса, я бы оговорился, прежде всего, — я, как рабочий, не так грамотен, а обыкновенно у научных работников имеется такая манера, что они не только к слову, которое выступавший товарищ сказал, но даже к букве привязываются о том, что [98] товарищ не так изложил фразу. Ведь, товарищи, знаете о том, что на предыдущем собрании, когда закончилась последняя чистка, многими из выступающих было указано на то, что бригада не так подошла к обследованию библиотеки, что бригадой было указано, что библиотека имеет засоренность в своем составе. Это заставило Комиссию еще раз проверить, на самом ли деле те явления существуют, и комиссия пришла к заключению, что те выводы, которые намечены были бригадой, оправдались. Что состав библиотеки имеет большую засоренность, которой не должно быть. Попутно с этим мы вызвали тов. Жебелёва, как заведующего библиотеки (Жебелёв: Я не заведующий), как председателя библиотечной комиссии с тем, чтобы нам опровергнуть те упущения, которые были найдены. Товарищ Жебелёв сознался, что библиотека действительно имеет ненужные книги. Мы имеем в виду библиотеку Фармаковского, которая после смерти была приобретена данным учреждением. Тов. Жебелёв сознался, что библиотека большой ценности не имеет и что если бы при оценке этой библиотеки был вызван букинист, то библиотека такой бы цены не имела, она стоила бы вместо 4-х тыс. — 1 тыс. Таким образом, нужно прямо сказать, что библиотека имеет большой процент книг, которые необходимо устраниить, ибо они не должны быть в данном учреждении, т.е. ГАИМКе. Отсюда, товарищи, раз товарищ Жебелёв был непосредственным председателем библиотечной комиссии, то нужно сказать, что им своевременно не были изъяты книги, которые там нашлись. Кроме этого, товарищ Жебелёв является руководителем архива. То же самое нужно сказать и относительно архивного материала. Архивный материал своевременно не был сдан Центральному Архиву. Я говорю с точки зрения рабочего. У рабочего имеется такая манера, что если рабочий пишет статью, то он указывает, что это он ее писал непосредственно. Мы наблюдаем случаи, что товарищ Жебелёв в издании своих [98 об.] книг имеет список других

авторов. Я понимаю так, что для нас научной ценны такой труд не представляет. Прежде всего, если не являешься автором, то нетактично об этом писать. Мы, рабочие, обыкновенно указываем на автора, сейчас же мы этого не наблюдаем. Это причина, которая заставила нас подумать и которая заставляет товарища Жебелёва перед всей общественностью и перед Комиссией выступить и пояснить, как он понимает свой ученый труд, исходя [99] из таких соображений, мы, товарищи, не в качестве персональной чистки, а для пояснения, для широкой общественности, для разъяснения тех предпосылок, которые я указал, ставим тов. Жебелёва.

ЖЕБЕЛЁВ. Может быть, Комиссия разрешит, чтобы укоротить дело, прочитать вам ту объяснительную записку по части библиотеки и архива, которую я составил, это продолжится всего 15–20 минут.

МАСЛЕННИКОВ. Как товарищи, я думаю, можно зачитать?

(ГОЛОСА: Да.)

ЖЕБЕЛЁВ. Когда 2 года тому назад … (читает) … Это касательно библиотеки. Теперь позвольте прочитать касательно архива.

Заведывание архивом … (читает) …

Относительно обвинения меня в пользовании без указания тех источников, которыми я пользуюсь в своих книгах. Я должен заявить следующее. Эти обвинения предъявлены были мне тов. Крюгером в «Минувшей книге». Тов. Крюгер предъявил мне первый выпуск моей книжки «Введение в археологию», которая вышла в свет в 1923 г., 7 лет тому назад. В этой книжке он указал мне, я точно не могу сказать, но вероятно 3–4–5 мест, в которых указал следующие заимствования — 1) что там заимствовано несколько мест из немецкой книжки и 2) из статьи Энциклопедического Словаря Брокгауза и Эфрана, касающейся Винкельмана.

Относительно последней статьи я должен сказать следующее — статья по археологии заимствована мною не из первого [99 об.] издания Брокгауза, а из второго издания Энциклопедического Словаря, где я заведовал отделом изящных искусств. Каждому из авторов посыпалась вырезка из статьи в первом издании и если он находил, что старую статью можно поместить в новом издании, она помещалась, если он находил, что ее надо проредактировать, ее перередактировывали. Видно, что некоторые места в статье о Винкельмане были мною проредактированы.

Что касается пользования мною книгой Булле¹¹, то я никогда не отрицал и не отрицаю этого, но повторяю то, что я сказал и тов. Крюгеру — я пользовался не только книгой Булле, но и целым рядом других книг. Моя книга не представляет исследования ученого, это книга, которая должна соответствовать своему названию — быть введением в археологию, т.е. помогать желающим заниматься, чтобы они могли воспользоваться этими указаниями.

Я думаю, что моя книжка, несмотря на те дефекты, которые указывает Крюгер, все же сослужила свою пользу, [100] потому что, когда первая часть ее вышла, она была напечатана в одной тысяче экземпляров, то через 2 месяца этой книжки нельзя было найти на книжном рынке, она вся

¹¹ В тексте стенограммы здесь и далее «Буля».

разошлась. Через 4 года вышла вторая часть археологии, в которой товарищ Крюгер мог бы найти заимствование. Вообще об источниках моего «Введение в археологию» можно написать целую диссертацию, и я рекомендую такую работу произвести и могу помочь в этой работе. Вопрос, касающийся археологии, служил предметом обсуждения в очень компетентном учреждении — Комиссии Академии наук, т.к. при избрании меня в 1927 г. в число действительных членов Академии также двумя членами Академии было указано, что в моем пользовании весь материал, касающийся этого дела в Академии, имеется. Я к нему не обращался и на него не смотрел, потому что результат был тот, что действительным членом Академии я был избран. Вообще я думаю, что к книге, которая состоит из 400 страниц, подходит с налета для ученого не рекомендуется. Надо эту книгу рассмотреть всю по существу, посмотреть какие она имеет задания, подсчитать, сколько в ней заимствований имеется, и сколько заимствований в ней не имеется и сколько мне принадлежит самому. После этой оценки будет хорошо рекомендовать эту работу в качестве диссертации. Такой работой в Германии любили заниматься, но осмеивали ее. Меня удивляет следующее: книга моя вышла в 1923 г. — 7 лет тому назад. Почему же тов. Крюгер не предъявил мне того обвинения, которое он предъявляет теперь, раньше? С общественной точки зрения, как совершенно верно указала Комиссия, это явление совершенно недопустимо. В прошлый раз товарищ Быковский¹² здесь говорил о том, что мы обуреваемы обывательщиной, что мы не хотим или боимся указывать на существенные промахи. Нужно сказать, что я на этой точке зрения никогда не стоял и если встречал какое-нибудь зло, то старался пресекать его сразу же, чем нажил себе очень много врагов. Это подтверждают лица, [101] которые меня хорошо знают.

Теперь я, в сущности говоря, мог бы предъявить с точки зрения общественности к тов. Крюгеру большое обвинение именно в том, что он своевременно не раскрыл мне глаза и этим самым ввел, я бы сказал, в большое заблуждение не только нашу общественность, но даже всю европейскую науку... Я объясню почему.

В 1926 г. в этом же помещении, правда, в соседнем зале, спрашивался юбилей моей 35-летней ученой деятельности. Я слушал всякого рода приветствия, похвалы и т.д. Но это известно, что на юбилее принято говорить только хорошие вещи, это уж так заведено, о плохом не говорят. Мне мои друзья, ученики, товарищи, и т.д. преподнесли к этому юбилею также толстый том своих работ. В этом тоне работ принимало участие 57 человек. Если выкинуть лиц из мет..., то больше 50 человек. Если бы эти 50 человек были бы поставлены заранее в известность, что я, выражаясь попросту, плагиатор, значит, вор, то я сильно сомневалась, чтобы из 50 человек не нашлось бы такого, который бы сказал — нет, в поднесении сборника вору я участвовать не могу. Поэтому надо было раньше сказать и громогласно, тем более что в былые времена в газетах помещались хвалебные статьи, портреты и т.д. Сборник был отпечатан на пишущей машинке только

---

¹² Быковский Сергей Николаевич (1896–1936) — историк, этнограф, сторонник «нового учения о языке» Н. Я. Марра. В ГАИМК с 1929 г., в 1930 г. — ученый секретарь.

в 4-х экземплярах. Это было издание exposé sommaire¹³. Эта брошюра была распространена по всему миру, по Европе, в Германии, Франции, Америке и я на основании этой брошюры получил от своих заграничных друзей, немецких и французских, приветствия. Опять-таки введение в заблуждение, уже не [101 об.] нашего общественного мнения, а введение в заблуждение всего общественного мнения Европы. Как можно молчать при этом?

Дальше. В 1927 г. происходили мои выборы. Я был избран в Академию наук. И что же? После избрания посыпались газетные хвалебные статьи, как полагается, — конечно, этому особого значения придавать не нужно, — портреты, интервью. Как же тут не воспользоваться и не сказать, послушайте, кого вы избрали в Академию наук. Ведь это же вор.

Нет, этим не воспользовались и только теперь, по прошествии 7 лет, когда книга моя, вероятно, уже стала библиографической летописью¹⁴, т. Крюгер выступает с этим обвинением. Я должен сказать, что я тов. Крюгеру чрезвычайно благодарен, потому что он выступил против меня с открытым забралом. Но скажу, как ученый, проработав в науке 40 лет, что с такого рода заявлениями надо выступать своевременно, а не по прошествии 7 лет после того, как появилась книга, как книга должна была ввести в заблуждение целый ряд почтеннейших лиц, в том числе, и почтенного академика Марра. Как можно участвовать в торжестве в Академии, да еще вору? Это совершенно невероятная вещь.

Вот все, что я могу сказать. Если кто интересуется подробностями, вероятно, в академических делах, касающихся моих выборов, он найдет материал. Избран я был в академию [102] тридцатью академиками, и, следовательно, 30 расписались в тех вещах, в которых им расписываться не стоило бы. Могу дать на память Вам вот эту брошюру.

БОГАЕВСКИЙ. Чем размечались стоимость книг и стоимость библиотеки Фармаковского.

ЖЕБЕЛЁВ. Путем сравнения того, что имелось с антикварным каталогом. В противном случае размечалось приблизительно. Размечал я, но все 3000 книг, конечно, я в руках не имел.

КОСТОЧКИНА. У меня, С.А., такой вопрос: На каком основании он решил, что я растерялась, когда ко мне нахлынул самый разнообразный архив?

ЖЕБЕЛЁВ. Я к вам ходил и видел состояние архива и ваше состояние. Я же вполне понимал вас и оправдывал, но вы не знали, за что взяться.

КОСТОЧКИНА. Я сказала относительно московского архива вам не потому, что я растерялась, а потому что считала, что не целесообразно тратить энергию на тот материал, который нельзя и привести в порядок.

ЖЕБЕЛЁВ. Я не согласен, что материал, который мы с вами не разобрали, ничего собою не представляет. Это можно сказать после разбора. Правда, материал находился в печальном состоянии, но от него нельзя отмахнуться. Вы мне говорили, что вами принято много протоколов и много очень московского материала. Мы вырабатывали меры, чтобы как-нибудь выровнять работу. Я не думаю, чтобы вы себя чувствовали с мая месяца хорошо.

¹³ «Краткое изложение» (франц.).

¹⁴ Так. Вероятно, должно быть — «редкостью».

БОГАЕВСКИЙ. Докладывали ли вы Правлению о тех неблагополучиях, которые замечались в архиве во время работы с Косточкиной?

ЖЕБЕЛЁВ. Это началось с мая и, конечно, все внимание было обращено на это.

[102 об.]

БОГАЕВСКИЙ. А раньше вы докладывали?

ЖЕБЕЛЁВ. И на производственных совещаниях, и на заседаниях Правления в прошлом году много раз.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ¹⁵. Группа лиц, пересмотревших и тщательно изучивших библиотеку Фармаковского, пришла к такому же мнению, какое составлено еще первой бригадой, т.е. что библиотека Фармаковского не представляет той ценности, какую хотели придать ей при покупке. Прежде всего, из библиотеки была изъята решительно вся та часть, которая тесно связана со всеми его интересными научными работами. Прежде всего, не оказалось ни одной работы лично Фармаковского, т.е. было чрезвычайно мало ценных работ. Нужно, чтобы [103] комиссия была создана и комиссия, рассмотрев список книг библиотеки Фармаковского, Сергей Александрович сказал — если это нужно, жена его может возвратить. Разве можно было так делать? В самом начале, когда библиотека приобретается, то нужно ядро, ядра нет. Осталась та часть, которая абсолютно никакой ценности или во всяком случае незначительную ценность могла представить для Фармаковского. Чтобы не быть голословным, я позволю себе из сотен, даже тысяч названий, может быть, некоторую часть — 300–400 названий дать и тогда получится впечатление о составе этой библиотеки. Прежде всего, какие книги вошли сюда? Я укажу потом, какую часть мы взяли. Взяли 150 книг и посмотрели, какой процент имеется тесно связанный с библиотекой ГАИМК, какие имеются дублеты и даже трети издания — абсолютно негодная макулатура, которая только компрометирует. Если бы остались все ценные книги — конечно, этот разговор потерял бы значение, но если остались книги, и в то же время все ценные книги извлекаются, все книги, связанные с именем Фармаковского, — этого нельзя было делать, это до известной степени, буквально нетактично по отношению Фармаковского.

Вот незначительная часть из тысячи названий. Я укажу их. Вот, например: Морозов ... (оглашает список книг) ... Всевозможнейшие ноты закуплены были и таких [104] подавляющее большинство.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ. Относительно стоимости этой библиотеки я назову лишь несколько цифр. Например, энциклопедический словарь Брокгауза был куплен за 200 рублей, в то время как он расценивался 60–80 рублей. Французская книга Бурже была куплена за 1 р., а Энгельса за 10 коп. и книга Максимова за 10 р. Журнал «Старые годы» за 1 год был куплен за 30 р., а .... старое издание, которое имеет 4 экземпляра, за 100 р. и т.д. Я могу назвать еще огромное количество цифр, которые укажут на то, что здесь цены были поставлены с полным незнанием рыночных цен и незнанием того, нужно ли приобретать эти книги. Вчера мы для того, чтобы определить процентное отношение книг, необходимых для приобретения, не представляющих

¹⁵ Так в стенограмме. Правильно «Зусер».

ценности и макулатуру, произвели некоторую работу и пришли к мысли, что из 148 книг, взятых на выбор, 30 названий следовало приобрести, т.е. 9%. 40% не имели прямого отношения к библиотеке, дублированные составляли 27% и 95 книг из 148-ми являлись совершенно ненужной макулатурой, которая засорила бы библиотеку. К сожалению, я не могу Вам полностью перечислить всех названий книг, которые были переплетены, но мне этого достаточно для того, чтобы иметь представление о той библиотеке, которая была приобретена и в которой находится портрет В. А. Фармаковского¹⁶.

КРЮГЕР. Я бы хотел выступить по поводу заимствований С. А. Жебелёва, на которые было указано в той комиссии, где я, по поручению бригады, говорил с товарищем Жебелёвым. Я подчеркивал, что я выступаю по поручению бригады, а не как Крюгер, потому что в последнем случае я должен был бы возразить на те обвинения, которые мне были сделаны в том отношении, почему я общественности не дал знать о том, что я был осведомлен о заимствованиях в год избрания С. А. Но не в этом дело; моя персоны здесь не играет никакой роли.

[104 об.]

С. А. указывает на то, что эта книга не является научным исследованием, но, по-моему, если немецкая книга Булле является научной, то, по-видимому, и та книга, которая пользуется этой книгой тоже очевидно является научным исследованием. Если этой книге предпосыпается ряд замечаний автобиографического характера, где указывается, что это введение основано на тех данных, которые накоплены автором до 1914 года, а систематизированы после этого года, и если в том же предисловии говорится, что эта работа может быть названа первым опытом, то значит, что у автора в этом отношении предшественников не было. Но если вспомните, что автор пользуется приблизительно такой же книгой, то я не знаю, правильно ли автор говорит, что не было предшественников. Если он пишет, что не имел предшественников, [105] то, по-видимому, он придает этой книге несколько большее значение, чем то, о котором он говорил сегодня.

Дальше Сергей Александрович совершенно правильно говорит, что в том заседании комиссии я сослался на какие-нибудь 5–6 мест. Сергей Александрович, я мог бы сослаться на несколько десятков мест. Но не в этом дело. Я отнюдь не поднимаю вопроса о плагиате, этот вопрос мне неподсуден, я не являюсь юристом и не в состоянии судить. Но я устанавливаю по поручению бригады факт заимствования без достаточных ссылок. Вы в четырех местах ссылаетесь на эту книжку, но не в том виде, как этого требует научная этика. Я могу вам привести несколько десятков мест.

Дальше, совершенно для меня непонятным является то, что вы отрицаете или как-то умаляете значение факта списывания из Энциклопедического Словаря тем, что вы указываете, что статья Сомова, в которой списаны места из биографии Винкельмана и оценки Винкельмана, которая встречается у вас в книге и, если хотите, другая часть взяты из руководства Булле.

¹⁶ Должно быть — В. И. Фармаковский Владимир Игнатьевич (1842–1922) — педагог, отец Б. В. и М. В. Фармаковских, коллега И. Н. Ульянова в должности инспектора народных училищ Симбирской губернии.

Я не знаю, как можно умалять значение этого списывания, если вы говорите, что вы списали со статьи, которая в свою очередь была списана, потому что статья, которую вы назвали редактированием, она несколько сужена, но в важнейших местах точь-в-точь совпадает с Энциклопедическим Словарем, ст. Сомова. Здесь имеются два издания. Я могу привести. Там есть некоторое видоизменение. Бавля — «Книга о биографии» — по-видимому [105 об.] кое-что изменено, потому что второе издание Брокгауз и Эфрон имеет ввиду изменение. И если иметь в виду перередактирование статьи Сомова, то эта работа не является вашей собственной. Так что это остается в силе.

Я не знаю, в какой мере сейчас интересно, чтобы я привел те многочисленные доказательства списывания и перевода, какие у меня имеются. Позвольте мне, хотя бы, чтобы не быть голословным, дать несколько разительных примеров. Если надо будет, я могу умножить. Позвольте привести вам несколько примеров того способа пользоваться подлинниками, который вами практикуется в вашей книге. Например, на 33 странице, первая книга — я говорю о первой книге, во второй книге тоже имеется — мы у вас читаем: «В то время, как Винкельман ... (цитирует) ...

В конце текста сказано несколько пространнее. (читает) ... [106] Я опускаю последующее, потому что оно в таком же духе. «Военная гроза» ... (читает). Я мог бы привести, если бы понадобилось, целый ряд примеров. Вы ссылаетесь на то, что весь материал имеется в распоряжении Академии наук. Академия наук представила этот материал, и этот материал оказался гораздо богаче того, который был в моем распоряжении. Я могу привести этот материал, начиная со статьи Сомова и вплоть до тех мест, которые я тогда сам не обнаружил. Вот, например, что касается исследования памятников. Вы слова передаете без ссылки на оригинал и только в одном месте, когда немецкий автор ссылается на Беклина, вы вставляете довольно неудачно имя Репина. Я уже не говорю о том, что Беклина с Репиным сравнивать нельзя, даже для этих целей (Читает) и т.д. Целые страницы. Соотношения этих источников с другими, на которые Вы указывали и которые Вы хотели предоставить в наше распоряжение, мы не взвешивали, потому что это не входило в мою обязанность. Но? я повторяю, что товарищ Федоров совершенно прав, когда он расценивает такое неэтичное заимствование чужого труда или в форме пересказа (на 107 стр.) или в форме перевода, как на не согласующееся с той научной и ученой этикой, которой мы должны сами придерживаться и которой должны придерживаться наши кадры. Еще один любопытный пример, который указывает на точность нашей работы. На стр. 61 II-го выпуска вы указываете о случайных археологических находках. Вы говорите «надписи были открыты в 1879 году». Дальше вы пишите (Читает). В оригинале мы читаем правильные указания (читает). Тут, при использовании вами оригинала произошла маленькая операция. До чего это исследование немецкого оригинала чисто внешнее, даже не соответствующее интересам тех читателей, для которых [107] это было назначено, это будет видно в примечании на 25 странице первого тома, которая соответствует 114-ой странице у Булле. Там ваше примечание гласит следующим образом: «Статья Гете, относящаяся ... (цитирует) ....

Это, конечно, соответствует оригиналу. Я думаю, что в популярном изложении нельзя было сослаться на В... издание. Я думаю, что работы античной археологии в такой концепции чрезвычайно мало нужны. И тем более удивительно продолжение вашего примечания: «Можно ли удивляться, что ... (цитирует) ...»

Вот то недоумение, которое я высказываю, оно конечно объясняется тем, что вы совершенно поверхностно следовали нашему немецкому оригиналу.

Но материал, который нам представила Академия наук, вскрыл и другие вещи, что в брошюре вашей вы применяли способ такой, например, вы списывали историю изучения востока и Евр. России. Я могу вам указать совпадение страницы 15-й вашей книжки и страницы 7-й у Вартега (?) ... (читает) ... Так же на странице 8 и 16, также на странице 17-й и на целом ряде других страниц. Так что те немногие места, о которых я по поручению бригады говорил с вами, их можно увеличить не только за счет книг, о которых я с вами говорил, но и за счет книг, о которых я с вами не говорил.

Вы мне поставили довольно тяжкое обвинение, которого я касаться не буду, но, если потребуется, я расскажу. Я знал, что в 1927 г. материал в гораздо большем объеме, чем [107 об.] я мог его представить, находился в руках компетентных лиц, которые выступали против вас. И в связи с этим я не могу не остановиться на одном доводе, который был выдвинут тогда против тех лиц, которые предъявляли вам эти довольно тяжкие обвинения — это письмо академика Бузецкого¹⁷, который в конце своего письма ссылался на письмо Ростовцев¹⁸, эмигранта, который дает следующую характеристику и следующее указание, почему вас все-таки надо избрать: «В своем первом письме — пишет Бузецкий ... (цитирует) ....

Я должен сказать, [108] что когда я это письмо увидел в материалах Академии, то к большому сожалению я должен был констатировать, что авторитетом для избрания научных работников в Советскую академию являются наши эмигранты.

БОГАЕВСКИЙ. По поводу библиотеки я должен подтвердить то, что я говорил в первом заседании. Мне кажется, что библиотека приобретена для Академии неправильно, и я предполагаю, что интересы библиотеки фигурировали на 3-м месте. На 1-м месте стояла необходимость, как вы сегодня подчеркнули, отдать дань памяти Фармаковского, на втором месте — желание обеспечить жену Фармаковского необходимыми средствами, и только на 3-м месте — интересы Академии. Как и в первом вопросе, я должен предупредить, что из этой библиотеки можно было приобрести то, что было действительно полезно Академии наук и что в одном экземпляре дублировало и что можно было дать больше за те книги, которые

¹⁷ Так в оригинале. Имеется в виду академик (избран в 1922 г.) Владислав Петрович Бузескул (1858–1931) — антиковед, историограф; Бузескул был инициатором выдвижения С. А. Жебелёва в действительные члены РАН в начале 1920-х гг.

¹⁸ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — российский и американский историк, археолог, искусствовед, специалист по античной истории, иранскому, в частности, скифскому искусству; на выборах 1927 г. поддерживал кандидатуры С. А. Жебелёва и Г. Ф. Церетели. В результате давления в 1928 г. С. А. Жебелёв был вынужден публично отказаться от дружбы с Ростовцевым, оба ученых и старых друга мучительно переживали этот вынужденный разрыв. [Подробнее см.: Тункина, 2000: 116–161].

являются цennыми. За книгу Бунце¹⁹ можно было заплатить легко 100 рублей, а не 5 рублей и таким образом сбалансировать, если это нужно было. Во всяком случае, я считаю, что библиотека Фармаковского была приобретена неправильно. Нужно сказать также, что недопустимой является расценка книг, которая не может быть не только в наших библиотеках, но и ни в каком библиотечном учреждении. Эти «Семь поцелуев»²⁰, негодная французская книжка, не может быть расценена даже в 20 коп. Этого нельзя даже сделать в частной библиотеке. Позвольте мне, после вашего сегодняшнего доклада, не согласиться с тем, что библиотека приобретена только для фонда Академии. На мой взгляд, этого не было.

Позвольте сказать несколько слов по второму, наиболее трудному и тягостному вопросу, по вопросу о Ваших работах за последние годы. Для меня никакого сомнения не представляет, что в вашей научной деятельности нужно различать ученую деятельность [108 об.] и научно-популяризаторскую. Я думаю, что Ваша деятельность не стоит на высоте, потому что введение в археологию с двух точек зрения, на мой взгляд, является не заслуживающим того внимания, которое вы уделяете. Я утверждаю с полной ответственностью, что все, что касается истории науки в 1-й части списано с Булле, постольку, что на десятках страниц встречаются отдельные ваши строки, которые соединяют перевод. Я уже не говорю о той части, которая явно списана с Булле, и которая также носит следы «Очерков Римской истории». Я не говорю о том, что у вас нет своего, но странно было бы автору доказывать, что у него есть что-то свое. Я утверждаю, что в двух томах пересчур много чужого, причем это чужое никак не закреплено. В некоторых случаях из «Энциклопедического словаря» выписан не только текст, но взята и вся пунктуация, и только в некоторых местах восклицательный знак поставлен в другом месте. Между тем, и сравнение показывает, что [109] и пунктуации у вас заимствованы. Я полагаю, что вся эта научно-популярная литература, вами выпущенная, она не является самостоятельной, точнее говоря, это в значительной степени списано.

Теперь по поводу археологии. Если бы вы не были руководящим членом Академии истории материальной культуры, если бы вы не были заместителем председателя Академии, я бы мог согласиться, что «Введение в археологию» является чисто авторской работой. Я должен сказать, что ваше «Введение в археологию» написано с той точки зрения, с которой возглавляющий наше учреждение Николай Яковлевич в течение тех лет, которые он возглавлял, написал — с точки зрения формальной немецкой археологии. Вы не показали превращения науки в сторону материальной культуры. То, что у нас она разошлась, что нет ни одной книги, объясняется тем, что молодежь, которой приходится рекомендовать вашу книгу, она раскупает ее и она учится тому, что существует археология вещества и археология материальной культуры (С МЕСТА: Когда она вышла?) Она вышла в 1923 г. Во всяком случае, я утверждаю, что мы об истории материальной культуры говорили и старались делать археологию истории материальной культуры.

¹⁹ Так в оригинале. Возможно — Бунтцен.

²⁰ Вероятно, имеется в виду следующее восьмистраничное издание: [Coron, 1866].

Мне кажется, что Вы, защищая археологию вещественную, не поправили своей книги за последний год. Таким образом, мне кажется, что эта научно-популярная литература с двух точек зрения может быть поставлена вам в упрек.

[109 об.]

Я скажу, что вашу книгу знало большинство. Эти годы, когда ваша книга вышла, были годы, в которые многие другие книги испытывали депрессию. Вы, как старший наш товарищ, оставшийся после эмиграции Ростовцева и Зелинского²¹ здесь, должны были возглавлять нас. Были попытки этот вопрос о вашей книге поставить, были попытки об этом напечатать решительно везде, но все эти попытки прерывались и когда была тягостная неделя вашего избрания в Академию наук, шел разговор, что это должно быть вскрыто, но ни одна попытка не получила удовлетворения.

Почему я об этом говорю только сейчас? Я поясню сейчас. Я рассматриваю труды Сергея Александровича с двух точек зрения. Я смотрю таким образом, что Сергей Александрович до советской власти, до октябрьской революции работал как учений, при советской власти он стал работать как научный популяризатор. Его научные труды, поскольку я знаю, они безуказанны, с этой точки зрения они не заслуживают упрека, что там списано и заимствовано. А в научно-популярной литературе, по-видимому, Сергей Александрович считал, что он может делать второсортные вещи и в советской литературе Сергей Александрович выпускал ту литературу, которая на мой взгляд не заслуживает внимания.

Вопрос о plagiatе для меня не был ясен, потому что книга списана, но поскольку где-то два раза книга упоминается, можно было сказать, что это [110] научная популярная книга, следовательно, ко мне нельзя предъявлять тех требований, которые предъявляются самостоятельному труду. Это, конечно, недостойно ученого, но юридически это не то, что, если бы он свою диссертацию списал.

Еще я должен сказать следующее: Мне кажется, что С.А. в своем «Введении в археологию» и в других трудах, показал, что он работает таким образом, что дает и то, что годится, и дает второсортный материал. Вы не работаете всеми силами, на первой позиции, вы не отдаете всего себя попытке идти навстречу тяжело формирующемуся новому знанию, в поисках также новых методов, вы ни шагу не делаете вперед. Когда было заседание памяти Фармаковского, то между вашей речью и речью Н.Я. была необыкновенная разница. Вы буквально за то, что он отрицает и отрицаете то, что он признает. Вы говорите, что Фармаковский защищал только научный метод, и только этот метод был у него в ходу, а это значит, что у него не было марксистского метода. Выходит, что тот, кто разрабатывает мировоззрение, стремясь помочь советской науке, тот неправильно работает. По-моему, вы все время работаете, как представитель старой науки и, защищая традиции старой науки и старые методы. В этом отношении Вы были последовательны. Вы

²¹ Зелинский Фаддей Фаддеевич (1859–1944) — российский польский антиковед, литературовед, переводчик, профессор Санкт-Петербургского (1890) и Варшавского (1918) университетов. В 1928 г. исключен из рядов АН СССР.

работали в советских условиях, давая советской действительности второсортную продукцию, в то время, когда вы имеете все основания давать первосортную. У вас существовало постоянное пренебрежительное отношение к нашей советской действительности и к тем вашим товарищам, которые шли и с большим трудом, перерабатывая себя, стремились установить новые методы. Ваше пренебрежение чувствовалось, когда вы были заместителем председателя нашей Академии.

МАРР. Дело, которое здесь раскрыто, настолько большое, что оно дошло до Москвы. Узнали об этом от одного лица, которое занимается [110 об.] тем, что когда он пишет свой труд, то справляется, откуда это, поэтому, когда получился учебник, он первый установил это. Я этого не касаюсь, но скажу, что заведующий был В. В. Барсов (?) (Голос: не был заведующим) Ну, по хозяйственной части. Теперь вопрос о письме. Никто мне в Академии не показал его. Лица, которые были против С.А., были те, кто против Советской власти и поэтому на С.А. смотрели, как на лицо, которое войдет и усилит наш фронт. Говорили, что это идет из Академии материальной культуры, и поэтому его не надо.

Когда говорят о достоинствах учебника, то когда взято из хорошего учебника, то это не отрицательное явление, потому что этому учебнику надо придавать совершенно другой характер [111] самостоятельного ученого за самостоятельную работу можно судить, но самостоятельного ученика, который является таким по своей природе, нельзя судить, уже не говоря об объективности ученого, уже одно то, что он написал учебник, который необходим, который никто не пишет — это заслуга перед советской властью, потому что его люди ищут. Но я боюсь, повторю, это очень большое дело, если его раскрыть. Конечно, вы не докажете, что Сергей Александрович был марксистом. Но одно скажу — по материалистической теории диссонанс был. Почему? Потому что были собраны лучшие силы, и наша задача была овладеть теми, которые поближе и направить те глубокие знания, которые есть, направить по этой части. Удавалось или не удавалось это — вопрос другой. Кое-кого удалось, а кое-кого не удалось. Например, вопрос о скифах — он отчаяннейшим образом искажается. Как раз по этому вопросу, когда стоял вопрос о скифах, когда мне прислали один выдающийся русский источник, я говорю — вот выдающийся. Но Сергей Александрович вернулся и говорит — русская история начинается позднее. А я утверждаю — без истории скифов русской истории не поймете. — Сергей Александрович говорит — Я прочел раз, прочел два, три и в конце концов я понял, вы правы. И представьте себе — эти слова человека, который не разделяет моей точки зрения, который говорит — я убежден в этой вещи, для меня это была большая помощь, гораздо большая, чем слова тех, которые говорят — мы разделяем, — а когда смотрите, — выходит совсем не то.

Повторяю — это сложная вещь.

[111 об.]

Извините меня, меня еще будут плагиатором называть, я еще такого пла-гиатора Грузии спасал. Он имеет один учебник и его обвинили в воровстве

в отношении Хвостова (?)²², между тем Хвостов держался совершенно противоположного взгляда, чем этот «плагиатор». Он взял взгляды покойного Турова²³, Мейера²⁴. Он исполнил желание большого издательства, оно это хотело. И мало того, что его сочли плагиатором, его лишили ученой степени, которая им была получена. Я стал за него. Представьте себе, я против плагиата такого характера, когда берут из других вещей, я не возвращаю. Почему? Вот я пишу, и никто не берет. Я был бы очень рад, если бы кто-нибудь взял, но, к сожалению, никто не берет, никто не берет. Меня это очень смущает. Когда у нас вопрос о собственности канул в вечность, вы напечатали — чья собственность? Разве ваша? Я написал — разве это моя собственность? Разве мы должны торговаться? Я против того, что имеется какая-то собственность. Это какое-то мещанско-собственническое отношение. Я вполне понимаю Сергея Александровича, он не может мою точку зрения разделять, он скорее признает, что он плагиатор, чем откажется от собственности. Но мы не можем его судить. Мы должны со своей точки зрения относиться.

Если хотите, я приведу пример. В Академию наук была прислана работа «История грузинской литературы» и была дана мне на оценку. Я написал — «никуда не годится». Тогда во второй книге автор написал самую невозможную ругань по моему адресу, [112] предполагая, что я обещал и не дам никакого отзыва скверного. Он меня выругал, а между тем брал страницами и при этом упоминал: «вот никуда негодный, старый русский, выживший из ума поэт». Эта книга была прислана в Академию наук и вот это плагиат, но он, в конце концов, взят из хороших источников. Вопрос о плагиате должен быть пересмотрен, едва ли старая точка зрения в этом вопросе останется, но это настолько сложный вопрос, что его в такой короткий промежуток времени разъяснить едва ли возможно.

ОРБЕЛИ. Сначала по поводу библиотеки Фармаковского. То, что огласил тов. СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ, произвело тяжелое впечатление, но кроме того получилось неудовлетворительное чувство от того, что бригада не сочла целесообразным принять мое предложение и произвести сравнительную оценку тех книг, которые нужны для Академии наук. Относительно выбора 150 книг нужно сказать, что мы не знаем, по какому признаку они выделены. Нужно было произвести сравнительную оценку в процентах всей суммы библиотечных трудов, выделив ценные, нужные, полезные или менее полезные книги и барабахло. Но должен сказать, что против хранения в Институте материальной культуры подобных книг я выступал неоднократно и, к сожалению, не встречал поддержки со стороны тех членов библиотечной

²² Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920) — историк-антиковед, профессор Казанского (1914) и Томского (1918) университетов [о нем см.: Шофман, 1978].

²³ Так в стенограмме. Имеется в виду Борис Александрович Тураев (1869–1920) — египтолог, коптолог, искусствовед, академик РАН (1918).

²⁴ Мейер Эдуард (Meyer, Eduard; 1855–1930) — немецкий историк-востоковед, египтолог, профессор университетов Бреслау, Галле, Мюнхена и Берлина, ректор Берлинского университета (1919). Э. Мейер — автор пятитомной «Истории древнего мира» (1884–1902), теория циклов, изложенная в которой, оказала значительное влияние на мировую гуманитарную науку, в том числе на российское антиковедение и востоковедение.

комиссии, которые должны были мне указать и помочь в этом деле, в частности, со стороны Богаевского. Поэтому, когда я говорил, что библиотеку нужно перетряхнуть, то у меня бывало такое чувство, что может быть, я слишком придирчив и только сегодня я нахожу поддержку со стороны членов библиотечной комиссии, это абсолютно недопустимая вещь.

Теперь по поводу Жебелёва и его книги «Введение в археологию». Я категорически отвожу те упреки, которые он сделал по адресу Крюгера, который, якобы, обязан был писать и говорить об этом раньше. [112 об.] Мне лично прекрасно известно, почему не была напечатана заграницей статья Крюгера, где все факты ... (Крюгер со мной не говорил. Я говорил с Крюгером о том, что у него приготовлена статья для напечатания заграницей, в которой разоблачаются все особенности книги. Я в нижнем этаже, в этрусском зале, убеждал не делать этого в силу целого ряда соображений, и эти доводы я могу изложить здесь или в отдельном заседании комиссии (Крюгер ...). Я говорил с О.О. Крюгером в этрусском зале и убеждал эту статью заграницу не посыпать, и Крюгер со мной согласился и уступил мне. Доводы по поводу моих соображений я могу изложить здесь или в комиссии. (ГОЛОСА: скажите здесь) По поводу этой грязи: товарищи, [113] в этой книжке не встречается моя фамилия, также как она не встречается в том толстом томе, который был поднесен Жебелёву, в этом перечне статей, посвященных Сергею Александровичу, не встречается моя фамилия не потому, что я забыл, что в течение ряда лет учился у Сергея Александровича, и не потому что я не мог приготовить статьи, как со мной редко случается, статья была приготовлена. Не представил я ее потому что узнал от членов комиссии, которые подбирали статьи для сборника, что в этот сборник направляли свои опусы для посвящения Сергею Александровичу два русских ученых, проживающих в Ленинграде, причем один из них был первым обнаружившим этот самый plagiat в работе Жебелёва, А.Ю. Малинин²⁵, другим лицом, которое неоднократно не в присутствии Сергея Александровича и не в Академии указывало это, был автор другой статьи, значившейся в этом сборнике (сборник вышел в 1926 г.) Б.Л. Богаевский. Для меня решающим моментом, сдавать или не сдавать статью, явилось участие лиц, которые чистят и в то же время делают подношения.

Я узнал об этом, когда этим вопросом занялись Малинин и Козловский²⁶. Сличением занимался и я. И я вынужден был вспомнить — у меня память очень хорошая, — что значительные пассажи этой книги, о которых говорил Оск... А...²⁷, Сергеем Александровичем излагались в лекциях. И, по-

²⁵ Имеется в виду Александр Иустинович Малеин (1869–1938) — историк-антроповед, библиограф, профессор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент ИАН (1916). Кандидатура Малеина также рассматривалась на выборах в академики в 1927 г., на которых победил Жебелёв. На момент описываемых событий (в 1924–1931 гг.) работал в Библиотеке АН ССР, а также в Государственной публичной библиотеке.

²⁶ Возможно, имеется в виду или академик Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942), или академик Павел Константинович Коковцов (1861–1942), наиболее активно протестовавшие против избрания Жебелёва в действительные члены АН ССР.

²⁷ Так в стенограмме. Имеется в виду или Оскар Фердинандович Вальдгауэр (1883–1935), неоднократно доводивший до сведения немецких коллег факт наличия в книгах Жебелёва неправомерных заимствований, или же Отто Оскарович Крюгер.

ставя вопрос, насколько уместно в университетских лекциях заимствовать пассажи из литературы по тому или другому вопросу, я должен был [114] признать прежде всего неряшливое отношение к рукописям и отсутствие ссылок, которые были сделаны. Были преподаны две лекции, — я это помню очень хорошо, — есть и другие участники, которые смогут подтвердить, что первые две лекции, т.е. 4 часа Серг. Ал. Жебелёвым были посвящены характеристике целого ряда тех источников, которые он цитировал без кавычек, без ссылок. Но можно и тут говорить о неряшливом отношении к рукописям, а не о плагиате.

Обе книжки Жебелёва значились в Академии материальной культуры, был поставлен Академией материальной культуры вопрос о напечатании их, причем, если мне память не изменяет, рукописи даже находились в помещении Академии материальной культуры. Но знаю, что после этого было вторичное обсуждение, и по просьбе С. А. Жебелёва книжки были из числа намеченных к напечатанию изъяты, и было разрешено Жебелёву напечатать их в каком-то кооперативном издательстве²⁸.

К сожалению, обсуждение всех этих вопросов в Академии не дало основания для присутствующих, не послужило поводом, чтобы выступить с характеристикой этого момента. Я говорю сейчас, потому что считаю, что, если уж чиститься, так чиститься и, прежде всего, выяснить, для чего чистка нужна. Мне кажется, что чистка нужна не для того, чтобы выискывать козлов отпущения, а для того, чтобы способствовать чистке всей той обстановки, о которой так страшно говорил Кач... и так спокойно говорил ... [115] И тут я должен сказать, что ведь Жебелёв не был назначен помощником председателя Академии, а он был избран. Избрала его Академия, и С.А. не один срок пробыл на этом месте (ЖЕБЕЛЁВ: 6 лет). Значит, он дважды избирался. Почему нам об этом не говорили? Почему Богаевский, который говорит, что С.А. до революции был одним человеком, а после революции стал другим, что до революции он был добросовестным научным работником, а после революции стал небрежно и неряшливо относиться к работе, так же, как и ко всему в Советской стороне, почему об этом не было сказано ни разу раньше? Он говорил о депрессиях. Это условная вещь. Я могу объявить себя в состоянии депрессии и могу не сообщить, что в Мраморном зале подготавлиают взрыв Мраморного дворца, сказав: извините, я был в состоянии депрессии. Я не могу себе представить, чтобы в Советском Союзе нельзя было разоблачить советского ученого, который, к тому же, пренебрежительно относится к советской власти и преподносит советскому обществу нечто совсем не заслуживающее внимания, этого я себе представить не могу. Можно было сказать, что мы слишком много заседали и в совете Академии, и в совете Археологического отделения, и на 36 производственных совещаниях, и пусть Богаевский скажет, в каком из этих заседаний он, хотя бы раз раскрыл рот, чтобы обрисовать физиономию Жебелёва. Говорить сейчас Комиссии по чистке, значит делать то, о чем на съезде говорил один из ответственных товарищей: «Нельзя несколько лет держать за пазухой камень для того, чтобы в удобный момент бросить в глаз. Если

²⁸ Книги вышли в издательстве «Наука и школа».

вы скажете вначале, то он может исправиться, а если не исправится — мы на несколько лет раньше выкинем его из своей среды. Но если ты об этом столько лет молчал, тогда говори в другом тоне и дай оценку самому себе.

[115 об.]

По поводу выборов в Академии наук. Пусть справляется, кто был заинтересован в провале кандидатуры Жебелёва, и если вы мне скажете, что это был марксист, бескорыстный советский человек, безупречной советской ориентации, то я готов сейчас идти под расстрел, но вы это не скажете, потому что это был лучший друг Ростовцева и негодяй, которому нет места в учреждении Союза Советских Республик — Шиман ... Я прошу извинения за слишком громкий голос, но меня взорвало выступление человека, который молчал 7 или 8 лет для того, чтобы заговорить сейчас.

ТИХОНОВ. Я прошу выступать спокойно, не повышая тона.

ОРБЕЛИ. Я прошу извинить мой тон и резкие слова.

ТИХОНОВ. Товарищи, нельзя создавать такую атмосферу, в которой трудно разрешать все стоящие перед нами вопросы. Я прошу остальных товарищей держаться более спокойной <атмосферы>, это даст возможность правильно подойти к делу и сделать оценку [116] всех тех явлений, о которых тут говорят.

КРЮГЕР. У меня справка для Орбели. Я не вхожу в политическую оценку тех лиц, которые в Академии выступали против С.А. Жебелёва. Я сказал, что там, конечно, классовой борьбы или что-нибудь в этом роде не было, но я могу дать другую цитату из той же книги, которую так хвалил тов. Орбели, которая скажет, что мы, пожалуй, имели право выступать против этой книги с другой точки зрения. Если мы читаем на 101 странице: «Впрочем ... (цитирует) ...

И дальше на ряде страниц идет подробная мотивировка того, почему русская археология должна быть благодарна русским царям. Я думаю, тов. Орбели, если Коковцов и Щербацкой выступали против этой книги, не солидаризуясь отнюдь на 100% с теми противниками, на которых вы ссылались.

БОГАЕВСКИЙ. Я не буду заражаться тем тоном, в котором говорил Орбели. Меня упрекает Орбели в том, что я не высказался открыто по поводу Жебелёва. Я должен упомянуть относительно производственного совещания, напомнить, что я неоднократно, и Марья Александровна²⁹, вероятно, подтвердит, высказывался, что надо ускорить постановку в производственном совещании рассмотрения разряда Жебелёва и его деятельности в Академии, но случилось так, — может быть, память мне изменяет, — что производственное совещание не успело подвергнуть рассмотрению как раз разряд [117] С.А. Жебелёва. Никто меня не может упрекнуть в том, как Иосиф Эдуардович³⁰ выразился, что я говорил где-то там за спиной. Я за спиной не говорил, потому что всегда выступаю и говорю так, как думаю. Вы мне скажите, имел я право сегодня выступать или нет, или я мог бы сегодня молчать? Я считаю, что я не мог молчать. Сегодня, когда мы находимся в открытом пленарном заседании, когда мои слова

---

²⁹ Имеется в виду Мария Александровна Тиханова-Клименко.

³⁰ Имеется в виду Иосиф Абгарович Орбели.

записывают стенографистки, я считаю нужным говорить, и, если Комиссия по чистке найдет нужным подвергнуть меня чистке, это ее право.

Я не считаю правильной ту линию, которую Орбели ведет по всем заседаниям, именно — все виноваты, а следовательно, надо говорить о том, какой я плохой, а потом о других. Я считаю, что мы говорим о лицах, если мы виноваты, вы нас будете чистить.

Вторая справка относительно библиотеки. Я член библиотечной комиссии. Я получил упрек, почему я только сейчас говорю о библиотеке Б. В. Фармаковского. Орбели говорил, что надо вычистить библиотеку Палестинского общества и библиотеку К.Р.³¹ О библиотеке Фармаковского я не слышал.

[118]

ОРБЕЛИ. Я хочу дать справку. Никаких похвал книжке Жебелёва я не рассыпал. О политической физиономии тех, кто был зачинщиком провала Жебелёва при его выборах в Академию, я говорил потому, что Крюгер сказал, что рекомендация эмигрантов имела место при выборах в Академию наук.

СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ. Библиотека Фармаковского: было уплачено единовременно 4255 рублей.

БОГАЕВСКИЙ. Я хочу пояснить, почему я дал статью в сборник Жебелёва. Я разделяю ученую деятельность Жебелёва и научно-популяризаторскую деятельность его. Моему учителю в прошлом я считал нужным дать работу в линии моих работ.

КАРАСЕВ. Я хочу сказать о библиотеке Фармаковского. Я хочу сказать, что куплена библиотека огульно, без оценки каждой книги отдельно. Я не понимаю, как могли появиться в нашей библиотеке такие книги, как нелепые «Семь поцелуев». Я должен сказать, что я человек пристрастный, я ученик Жебелёва, который до сих пор уважается, и когда здесь слышал длиннейший список макулатуры или вреднейших книг, то я вынужден был прекратить этот перечень. С. А. не понимаю и не понимаю, как он оценил эти книги. Мягко выражаясь, здесь произошла ошибка, а может быть и больше, чем ошибка со стороны С. А. при покупке. Это умаляет имя Фармаковского. Я не понимаю, такой огульной покупки. Когда СЕМЕНОВ ЗУСЛОВ говорит, что самое лучшее было взято Т. И. Фармаковской³², то я не могу с этим не согласиться. Я с Т. И. Фармаковской нахожусь в хороших отношениях и видел, что у нее взято. У нее взяты самые интересные для всех ученых тома Отчетов Фармаковского за все годы. Это очень интересная вещь, которая так же, как и другие книги, имеет для нас большое значение, тем более что на полях мы находим его отметки. Поэтому я согласен, что С. А. не предусмотрено разрешение Т.И. эти книги оставить. Я ее понимаю, ее право держать самые интересные книги своего мужа, но она должна была сказать, что этими наиболее интересными книгами вы можете пользоваться. На предыдущем собрании говорили,

³¹ Имеется в виду библиотека великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915) — президента ИАН в 1889–1915 гг., во дворце которого и располагалась ГАИМК.

³² Имеется в виду супруга Б. В. Фармаковского, Татьяна Ивановна.

что когда-то дрались из-за этих книг, и [118 об.] мы будем драться за эти книги. В то же время, если Т.И. узнает, что общественное мнение имеет определенный взгляд, я не допускаю мысли, чтобы [119] Татьяна Ивановна оставила себе книги, как только она узнает, что из-за этого разгорелось так много разговоров, она сразу отдаст. Я, конечно, не могу уверять, но по-товарищески могу сказать, что книги эти она, конечно, возвратит, и они для библиотеки не потеряны. Так что я просто не понимаю, чтобы Сергей Александрович мог допустить такую большую, грубую ошибку и покупал библиотеку Фармаковского.

Теперь справка относительно того, что единовременно было заплачено 4000 р. за библиотеку. Я сам получал деньги за эту библиотеку. Татьяна Ивановна уехала в Николаев, и она мне выдавала доверенности. С момента смерти Бориса Владимировича она каждый месяц получала 100–150 р. Возможно, что когда-либо 4000 р. уплатили, но тогда это дело уголовное, что скрытно уплатили, и тогда уж библиотека Фармаковского будет не 4000 р. стоить, а 8000 р. Этого я не знаю. То, что я знаю — она получала через каждый месяц по 200 р.

Я должен сказать о Сергееве Александровиче, как о человеке. Я не могу говорить о плагиате, потому что слышу все это первый раз, не могу ни проверить, ничего, но должен сказать, что Сергей Александрович в нашем разряде и в знаниях с молодыми работниками, был в самых хороших, не личных, а в самых хороших научных отношениях. Со всеми справками мы к нему обращались, и я должен сказать прямо, что, если мы что-нибудь не знаем, Сергей Александрович с самым открытым желанием идет навстречу. По [120] линии повышения квалификации молодых работников Сергей Александрович с нами занимался очень хорошо, и наша вина, что мы не могли использовать, как следует, занятия с Сергеем Александровичем. И в заседаниях разряда я не заметил — а я не хвастаюсь, я очень слежу, чтобы не исказили то, о чем говорил Борис Владимирович — по-моему Сергей Александрович работает в настоящее время очень добросовестно.

ТИХОМИРОВ. Я, товарищи, хочу выступить в связи с теми горячими прениями, которые здесь были, как надо подходить к этому вопросу. Здесь, по-моему, ряд товарищей, выступая, доказывая противоположные стороны, увлеклись в некоторой части и подходили не объективно, а допускали субъективность. Я хочу, чтобы остальные товарищи, выступая по всем этим вопросам в прении, были вполне объективны и свою объективность во всех этих вопросах красной нитью проводили.

Как мы должны подходить? Предъявляем ли мы, в частности наша бригада, тов. Жебелёву плагиат из того, что мы нашли? Я утверждаю — нет. Ибо когда вы начинаете брать старые буржуазные законы, как они сформулированы, что такое плагиат и как его надо понимать, и, если взять наш советский закон, который был издан, там мы более или менее находим ясное понятие о том, что такое плагиат. [121] Мы не может предъявить, но в то же время мы должны этот вопрос поставить на очередь дня. Имеет ли он большое значение или не имеет. Я постараюсь вам на примерах показать, что это имеет большое значение. Если вы возьмете все

постановления нашей Партии, в особенности последнее постановление Июльского пленума ЦК и Ноябрьского пленума ЦК, то увидите, что мы ставим вопрос о необходимости роста наших преподавательских научных профессорских сил. Как там ставится вопрос? Необходимо, чтобы каждый научный работник занимался все время научным трудом, развивал ту научную работу, к которой он призван. Все ли у нас так обстоит? Я хочу привести такой пример. Когда я чистил Наркомпрос, то с вопросом пла-гията тоже встречался. Приходит один профессор и говорит: Слушайте, я издаю учебник, и из этого учебника целые страницы другой профессор слямзил. Я попрошу его привлечь к ответственности. Посмотрите, все списал, даже запятые там же. Через два дня приходит второй профессор и говорит: Я возмущен, на каком основании тот слямзил у меня. Я говорю: Докажите. Он говорит: Читайте. Я тогда, в шутку, сказал: Я не знаю, кто у кого украл. Товарищи, это же обесценивает в лице Комиссии научных работников. Давайте с этой точки зрения и подойдем. Если перед нами крупный ученый, имеющий большие научные заслуги, но в своей популярной литературе он не делает никаких ссылок, то как нам, с точки зрения нашей общественности, подходить к нему? Мы говорим, неужели он сам таких простых вещей не мог написать, не пользуясь чужой кни-гой, а если пользовался, то почему не сделал ссылки. Научно-популярная литература всегда делает ссылки на источники. Научно-популярная лите-ратура дает возможность понять, что нужно критически ко всему отно-ситься, как относятся ко всему коммунисты. Недопустимо, чтобы в нашей дальнейшей работе нашими научными работниками такие явления прак-тиковались. Таким [121 об.] образом, мы закрываем двери для молодежи, для рабочих, сидящих здесь, а это надо учитывать. Подходя с этой точки зрения, нужно сказать, что это не пла-гият, но это обесценивает значение этой книги и данного ученого. Вчера я производил чистку Физико-Тех-нического института. Я прямо сказал одному: Ты был хорошим ученым и стал деквалифицироваться, подтянись. Он вначале говорил, что я и так большой ученый. Я ему говорю: Мне трудно спорить, потому что я не-образованный, но привожу ряд жизненных примеров и говорю: Скажи от-кровенно. Он сказал: Да, вы товарищ Тихомиров, правы. Для чего мы это делаем? Не для того, чтобы человека [122] шельмовать, не для того, чтобы человека угробить, но для того, чтобы продемонстрировать, как нужно иной раз на своих ошибках, на своих недостатках исправлять, не допус-совать общих явлений, которые становятся массовыми и считаю, что това-рищи в такой плоскости должны выступать.

Я слышал, я тут не был, а слышал, что смотрят так, что пла-гият, это просто мещанство, мол, списывай все, что угодно. Я считаю это неверным. Иначе я неученый человек, но, если мал-мала у меня мозги работают, так я сегодня у вас спишу, завтра у другого и, в конце концов, книжка выпущена, значит, Тихомиров стал ученым человеком. Так что как же получится? Получится, что мы можем способствовать быть лжеучеными людьми и специалистами. Возьмите газетных работников. Мы некоторых наших товарищей лупим за то, что они списывают. Возьмите провинциальную редакцию. Прочитал «Правду», «Известия», потом бухает передовую. И мы говорим — ох, черт

возьми, как он вырос, — пока не докопаешься. Я считаю, что здесь подход должен быть со всех точек зрения. Для нас хорошим примером было бы, если бы мы взяли нашу популярную ленинско-марксистскую литературу, — там вы везде найдете ссылочки, цитаты, — где на Маркса, где на Энгельса. Это я понимаю. Поэтому я считаю — надо в наших прениях, в нашем подходе к этим вопросам быть не односторонними, не субъективными, а брать вопрос в таком объеме, как он должен выглядеть и какую цель преследовать. Если мы так поставим [123] вопрос, то мы из этого можем делать правильные выводы, можем делать правильные предложения, которые будут помогать нам двигаться вперед, а не назад.

Вот первое мое замечание. Я хотел бы, чтобы товарищи в прениях выступали с такой точки зрения.

ГРИГОРЬЕВ. Мне очень жаль, что тов. Тихомиров сказал то, что я хотел сказать. Совершенно правильно, я как раз нахожусь в таком положении, о котором говорил тов. Тихомиров, и мне по поводу труда тов. Жебелёва приходила в голову мысль, что эти ссылки для нас являются совершенно необходимыми, потому что мы сейчас находимся в таком периоде, когда мы не можем доверять. Сейчас наша наука перестраивается, и мы должны критически научиться анализировать старые труды, чтобы строить новые. Все из нас согласны со словами тов. Тихомирова.

В отношении библиотеки Фармаковского тут говорят, что она стоит 1000 р., а купили ее за 4250 р. Простой бухгалтерский расчет говорит, что надо подсчитать, может быть 1000, может быть 400, а может быть 800, все-таки не доказано, сколько она стоит, или она не стоит.

Теперь в отношении руководства тов. Жебелёва библиотекой. Мне кажется, что тов. Жебелёву теперь не следует ведать этим делом, потому что он просто устарел, он старый ученый, может быть, он скептически относится к марксизму. Я могу говорить объективно, потому что я непосредственно под его руководством не работал. Я знаю [124] со слов товарищей об этой работе и знаю, что в настоящем состоянии он, как ходячая библиография, необходим. Он знает все труды, которые имеются во всем мире, но для того, чтобы создать новую библиотеку, которая явилась бы фундаментом нашей работы, с этим он не может справиться.

В отношении его руководства молодежью. Я слышал, что товарищ Жебелёв всей душой идет навстречу. Это нужно Комиссии по чистке учесть.

ШУЛЬЦ. Относительно оценки работ С.А., которые он написал за революционное время. Я думаю, что нужно прямо сказать, что и история эллинов, «Эллинизм», «Рим»³³ и «Введение в археологию» написаны небрежно. Это нужно прямо сказать, потому что, при использовании чужого материала необходимо делать ссылки на источники. Отсутствие этих ссылок в значительной мере обесценивает тот материал, который дал С. А. Вместо того, ни в какой мере не могут удовлетворить нас эти работы, в смысле установки, не могут удовлетворить молодежь и начинающих научных работников.

---

³³ Вероятно, следующие научно-популярные работы Жебелёва: Древняя Греция. Пг., 1920–1922. Ч. 1–2; Древний Рим. Пг., 1922–1923. Ч. 1–2.

Что еще в настоящее время чрезвычайно тормозит научную работу С. А. Мне кажется, что научную работу С.А. в настоящей обстановке чрезвычайно тормозит убеждение, которое у С.А. есть, и от которого, нужно надеяться, С.А. откажется. Это убеждение заключается в том, что научная работа состоит в соприкасаться с факты, не взятые в определенной системе, ничего не дают, кроме вреда. Нам, молодым работникам, которым по работе приходится с С.А. соприкасаться, нужно это подчеркнуть. От С.А. фактические данные и справки по целому ряду вопросов мы получаем, но, если С.А. хочет как следует войти в кадр работников, которые работают в исследовательской обстановке, С.А. нужно здоровово над собой поработать. С.А. нужно взять в свой научный кабинет, на свой стол работы Маркса и Энгельса, [124 об.] нужно проверить свою старую точку зрения, нужно попробовать включиться в нашу работу не только в форме справочника, но и в форме работника, который понял, что сейчас установление фактов не дело, что исследовательская работа для нас, молодых, для работников, включающихся в исследовательскую работу в плане диалектического материализма, требует, чтобы каждый факт освещался на основе определенной теории, чтобы каждый факт брался в диалектической увязке, со всей системой наших представлений об обществе в целом, и в этом направлении [125] Сергей Александрович представил бы для Академии гораздо большую ценность, если бы он крепко, как следует, взялся за переработку самого себя.

Теперь относительно библиотеки. Сергей Александрович, конечно, сделал очень большую ошибку, когда из-за попущений, я бы сказал, такого благотворительного свойства — в этом виновато и Правление Академии — привел к тому, что библиотека Фармаковского была Академией приобретена, но в полном объеме она Академией приобретена быть не должна. Здесь имеет место несколько старозаветный подход к комплектованию библиотеки, здесь сделана ошибка. Ряд ошибок допущен и в дальнейшем существовании библиотеки, когда накапливалась библиотека без включения в состав библиотеки марксистской литературы. Это приводит нас к следующему выводу, что в настоящей стадии развертывания нашей библиотеки руководство Сергея Александровича не является правильным, потому что Сергей Александрович не является специалистом той литературы, которая нам чрезвычайно нужна.

То же и в отношении Архива. Так что вывод мой относительно Сергея Александровича был бы таков. Мне думается, что Сергей Александрович должен остаться в Академии, должен продолжать передавать нам свой опыт и знания, но и он должен одновременно очень поработать над собой, чтобы из хранителя фактов превратиться в исследователя, который работает над собой, постоянно продвигая свое научное мировоззрение вперед.

[126]

БОРИСОВСКИЙ. Мне кажется, из всего вышесказанного видно, что с приобретением библиотеки Фармаковского получилась несколько некрасивая история. Тут, мне кажется, в меньшей степени является ценное

приобретение, а в большей степени замаскированная пенсия жене Фармаковского. У нас имеется Собез, у нас имеется соцстрах. Если жене Фармаковского нужны деньги, то надо ей дать пенсию, а такое благотворительство не должно сейчас иметь места. Мне лично это несколько напоминает историю с жалованием Ферсмана³⁴ — там то же самое, под видом ценного приобретения занимались благотворительностью. Сергей Александрович сам говорил, что приобретение библиотеки полностью со всеми относящимися к библиотеке книгами должно дать представление о библиотеке Б. В. Фармаковского. Но эти черносотенные книги должны придать нехороший отпечаток библиотеке Бориса Владимировича — это понятно каждому.

ФЕДОРОВ. Товарищи, мне хочется сказать пару слов. Я рассматриваю в такой плоскости. Ни один из выступавших товарищей не остановился на том, как, по существу, должна приобретаться библиотека. Библиотека Фармаковского имела свое место не в частной квартире, а в стенах ГАИМКа. Давайте рассмотрим, имеем ли мы право покупать библиотеку, когда он находилась в стенах ГАИМКа? Никакого. Если бы библиотека находилась на квартире Фармаковского, было бы другое дело, но, когда библиотека Фармаковского находилась в стенах ГАИМКа, надо ли было покупать библиотеку? Я заостряю ваше внимание, чтобы вы в прениях говорили, действительно ли был нужный момент или нет. Второе. [127] Когда сам Ф. указывает, что за библиотеку должно быть уплачено по 100 рублей в месяц, мы имеем официальную справку, что сумма 4255 рублей 75 коп. уплачена полностью. Что же это значит? Я говорю это для того, чтобы вы выступили в прениях и говорили о том, имело ли это место в смысле покупки библиотеки или нет?

МИХАЙЛОВА. Товарищ Федоров говорит, что в справке написано, что сумма выплачена полностью, но это к тому времени, когда была выдана справка, но платили-то по 100 рублей в месяц в течение 2-х лет. И по окончании выплаты я дала справку, что сумма выплачена полностью, но не сказала, что выдано единовременно.

КОСТОЧКИНА. Я буду говорить об архиве. Тов. ЖЕБЕЛЁВ высказал мысль о том, что архив до моего поступления был в полном порядке, потому что ни одного заявления не поступило. Следовательно, он обвиняет меня и говорит, что архив привела в беспорядок я.

(ЖЕБЕЛЁВ. Я не говорил этого). Вы сказали, что до моего поступления все было благополучно (ЖЕБЕЛЁВ: до мая месяца). Я прошу меня не перебивать.

Относительно материала и моей работы. Тов. ЖЕБЕЛЁВ высказал мысль, что в последнее время, когда в архив поступила масса материалов, я испугалась работы. Я не знаю, на каком основании он такую мысль высказал, я об этом ему не говорила. Если я отказывалась от этой работы, то не потому, что я испугалась. Я согласилась на эту работу временно. Если тов. ЖЕБЕЛЁВ находил, что данная временная работница не удовлетворяет

---

³⁴ Академик А. Е. Ферсман отдавал свою зарплату, которую он получал в ГАИМК, в пользу мало обеспеченного технического персонала [см.: Платонова, 2010: 235].

известных требований, честнее было бы через неделю или две сказать, что я не соответствую своему назначению и должна отказаться от работы, но не говорить об этом сейчас.

Относительно московских материалов археологического общества³⁵. Тов. ЖЕБЕЛЁВ говорит, что есть смысл их разбирать, а я нахожу, что потерян смысл, потому что половина материала исчезла и сгнила.

[127 об.]

КИПАРИСОВ. Я хочу сказать относительно библиотеки и «Введения в археологию». Я постараюсь говорить в том направлении, на какое указывал совершенно правильно тов. ТИХОМИРОВ. Относительно Фармаковского было постановление правления, и формально это правильно, но мы не должны с формальной точки зрения на это смотреть. Нужно было выполнить работу по существу. Видимо, известный писет перед Фармаковским и желание помочь жене Фармаковского повлияли на то, что библиотека была куплена целиком, и я скажу, что она была куплена целиком при таких условиях, когда Академия и жена Фармаковского были не в равных условиях. Жена собрала много интересных изданий, которые бы желательно нам приобрести, но она сказала, что я их не продаю. Но потом покупали все. Она [128] это барахло, которое здесь цитировалось, не откидывала и получилось такое положение, что жена Фармаковского имела возможность отбирать, а Академия — получить то, что ей дают. Тут неравный подход — если чохом, так чохом, тогда не давайте отбирать интересные экземпляры. Так что в известном писете, в известном положении наибольшего благоприятствования, в котором оставалась не Академия, а близкие Фармаковского, в этом есть ошибка, и это надо было учитывать. На самом деле, следовало библиотеку просмотреть. Нельзя, если это стоит 30 к., 50 к., платить за это барахло, которое мы десятками и сотнями насчитывали среди книг, нельзя было оставлять все это для советского учреждения, покупать это совершенно антисоветское, антиобщественное барахло. Надо было при покупке просмотреть барахло и покупать книги, получающие известное значение. Как отмечает комиссия, книги были куплены без всякого просмотра, и жена Фармаковского имела право отбирать то, что ей нравится.

Теперь относительно «Введения в археологию». Я имел возможность просмотреть все материалы, которые имеются в библиотеке, в частности, в академии. Я не юрист, чтобы рассматривать как plagiat, но что здесь имеется нечто такое, что в наших нравах не должно быть допущено, это, несомненно, и я считаю, что такой способ, — я не знаю, как выразиться, — может быть, это не уголовно наказуемое деяние, но во всяком случае научно-неприличное, когда слово в слово вплоть до абзаца повторяется [129] с немецкого. Есть такие случаи, когда просто курьез получался — для русского контекста книги было не нужно, и оно нечаянно попадало в русский текст... Я бы это охарактеризовал как научно-неприличное. Это мы говорим не для того, чтобы опорачивать, уязвить, ошельмовать, а чтобы называть вещи своими именами, чтобы констатировать факты и из них известный

³⁵ Имеются в виду материалы Московского археологического общества, упраздненного в 1923 г., часть которых поступила в ГАИМК и сейчас хранится как: РО НА ИИМК РАН. Ф. 4.

педагогический вывод сделать. Я думаю, что для нас не представляется безразличным, что один научный работник так проделал. Я знаю один случай, о котором т. Тихомиров упоминал. Тов. Ленин был, как известно, чрезвычайный популяризатор, он дал массу популярных работ. Мы, к счастью, воспитаны больше на том методе составления и писания работ, который применяли в своих сочинениях Ленин, Маркс и Энгельс. Я должен сказать, что ничего похожего на эти нравы вы в «Введении в археологию» не найдете ни у Маркса, ни у Энгельса. Я с гордостью за марксистов говорю, что у нас этого не бывает. Был один случай, когда мне пришлось слышать, что Ленин без указания списал мысль Маркса во «Введении в политическую экономию». Но недоразумение заключалось в том, что Ленин писал сочинение в 1897 г., а «Введение в политическую экономию» Маркса, хотя было написано в середине XIX века, но найдено было через 5 лет после того, как написал Ленин — в 1902 г. Не мог списать Ленин с сочинения, которое было найдено в 1902. Мы этим фактом можем только показать, что в том случае, когда кажется, что Ленин списал у Маркса, оказывается, что Ленин пришел к тому же положению и почти теми же словами формулировал мысль, как и Маркс.

[130]

Я думаю, что Академия как советское учреждение, а мы являемся учреждением, изучающим историю материальной культуры, единственным в СССР, мы пытаемся изучать настоящими научными методами, марксистскими, это единственное во всем мире учреждение, — я думаю, что мы должны воспитывать наших работников не в стиле популяризаторских работ «Введения в археологию» Сергея Александровича, а в стиле тех работ, которые представлены Лениным. Там действительно, [131] как говорил тов. Тихомиров, если берется какая-нибудь мысль или цитата, то указывается, кто ее сказал. Даже больше. Те, кто знает хорошо «Капитал» Маркса, тот знает, что в примечании указываются даже намеки на мысли. Маркс цитирует даже в том случае, если не было сказано, а только было намекнуто, т.е. Маркс считает необходимым указать на ссылку даже в том случае, если у него имеется зачаток чужой мысли. Если возьмем примечание Маркса, то увидим, что это история зарождавшихся мыслей Маркса в его предшественниках. Мы так и должны работать, а то, что мы имеем в качестве популярной работы С.А., пришло от старого периода, когда С.А. рос как ученый, и когда он от своих учителей заимствовал методы работы и в том числе методы популярной работы. Мы молодежь будем воспитывать в тех методах, которые мы имеем в сочинениях Маркса и Ленина.

ОРБЕЛИ. По вопросу, который поставил тов. Федоров. Об этом мы слушали два или три вечера. Ясно, что такие покупки не должны иметь место в будущем. Относительно другой стороны вопроса, который поставил товарищ Федоров, вопроса о том, можно ли покупать книги, находящиеся в стенах учреждения. Я должен признать, что тогда каждый из ученых не должен вносить в учреждение интересных книг во избежание того, что когда встанет вопрос об обеспечении его семьи, то эти книги нельзя будет продать. Такого закона у нас нет. С другой стороны, очень многие вынуждены приносить в стены учреждения и хранить здесь те книги, которые могут

быть полезны молодым работникам, руководимым старшими работниками. Поэтому на вопрос о том, можно ли покупать книги, находящиеся в стенах учреждения, нужно сказать, что можно, и если эти книги полезны, то и необходимо.

ЖЕБЕЛЁВ. Если бы не было так поздно, то мне пришлось бы говорить очень долго, поэтому я буду краток и буду говорить по [131 об.] пунктам. П. Н. Шульц сказал, что я факты знаю. Да, конечно, я факты знаю. Я на фактах воспитан, и поэтому вам тоже буду говорить факты и никаких суждений и объяснений фактам придавать не буду.

Относительно библиотеки Фармаковского. Библиотека Фармаковского, как я сказал в записке, была приобретена постановлением Правления, утвержденным Советом о том, что не нужно было оставлять. Это тоже в моей записке совершенно определенно указано. Тут пробовали подкопаться под библиотеку Фармаковского с научной стороны. Я продолжаю утверждать, что если посмотреть внимательно всю научную библиотеку Фармаковского, откинув из нее баракло, то нужно сказать, что научных книг там достаточное количество. Я уже приводил факты из моей практики, что [132] книга, которая мне была нужна, оказалась только в библиотеке Фармаковского. Я думаю и другие факты найдутся. Когда мы беседовали в комиссии, тов. Цвибак³⁶ высказал мысль, что если у Фармаковской осталось 5 человек детей, то библиотеку понятно было бы купить. А я скажу так — если бы у Фармаковской осталось после мужа не 5 человек детей, а 10, и, если бы его библиотека не представляла научных знаний, ее покупать не следовало бы никоим образом. Что ее надо вычистить, это вне всякого сомнения. Но надо вычистить не только ее, но и все материалы библиотеки, что я и указал в своей записке.

Мне приписывается не свойственная мне роль, что я явился каким-то распорядителем библиотеки. Ничего подобного. Приписывается, что я был библиотекарем или заведующим библиотекой. Я был сначала членом библиотечной комиссии, а с ноября стал председателем библиографической комиссии. Федор Васильевич³⁷ не откажется подтвердить, что в том заявлении, которое я подал, я указывал, что надо начать проверку всего библиотечного фонда и удаление всего, что не соответствует. Так что моя роль в библиотеке была совершенно скромная, и я заботился о выполнении ее. Рассматривал список и дополнял не один я, один я не мог произвести эту работу. Моя точка зрения такая, что она должна быть пересмотрена и не так, чтобы взять по списку ненужное, такая вещь, как «Семь поцелуев», конечно, не нужна, но нужно каждую книгу пересмотреть, потому что заглавие может ввести в заблуждение. Я с библиотечным делом знаком. Моя первая [133] служба была в библиотеке, я был членом университетской библиотечной комиссии.

³⁶ Цвибак Михаил Миронович (1899–1937) — историк, сотрудник ГАИМК с 1930 г. Активно участвовал в деятельности по выявлению несогласных в ряде учреждений науки и культуры.

³⁷ Имеется в виду Ф. В. Кипарисов (1886–1936) — филолог, археолог, с 1929 г. — заместитель председателя ГАИМК, фактически ведший всю текущую работу в академии.

Что при покупке библиотеки Фармаковского, помимо ее научного значения, я подчеркиваю это решительным образом, играло роль желание помочь вдове, это ни я не отвергаю, не отвергало и Правление. Это было ясно, и я прямо скажу. Я прямо скажу, что, если вы пригласите букиниста, так он, как думает тов. Зусман³⁸, дал бы 300, а может быть 500 р. Если выписать заграничного антиквара, тогда другое дело. А вот вам пример, как иной раз не дорожатся книгой и удешевляют. В прошлом году я по поручению византийской комиссии на средства, отпущенные Академией, приобрел четыре тома Шл...³⁹ Когда я спросил, сколько стоят? — 5 рубл. А когда я получил парижский антикварный каталог, оказалось, эта книга расценивается по 200 франков. Вот как у нас наши букинисты по части ученой книги не стоят на высоте призвания.

Для меня нет сомнения, что, если бы пришел букинист и посмотрел на библиотеку Фармаковского, он бы сказал 500 р. я дам. За что он продаст и когда — это другой вопрос, потому что там есть такие книги, которые учеными покупать не будут, а на макулатуру тем более покупать не будут.

Я говорю чистосердечно, что была и другая цель помимо приобретения ценного фонда. Когда библиотеку будут рассматривать сведущие лица, они ценный фонд сумеют выделить и придать ему значение. Но что много придется удалить, в этом нет сомнения, как придется удалить из всей библиотеки, из прежде купленных библиотек Смирнова, Лопарева и т.д., для меня не подлежит сомнению, [134] потому что не далее, как на прошлом заседании, когда кто-то сказал, что нужно одну из книг уничтожить, я сказал, что ее надо оставить, потому что она нужна для антирелигиозной пропаганды. Видите, с какой бережностью нужно подходить ко всем книгам. В роли руководства библиотекой мне приписываю несоответствующее значение. Я до ноября был ординарным членом библиотечной комиссии и только с ноября я стал руководителем библиотеки. Я весной предполагал вместе с членами всей комиссии, и с большой помощью со стороны академической молодежи, провести чистку библиотеки.

Относительно архива Косточкина не совсем верно меня поняла. Когда она пришла в архив, мы уговорились, что она будет для того, чтобы научиться архивному делу, просматривать архив с точки зрения ревизии и ориентировки. Она не откажется сказать, что когда она пришла в архив, то он не был в таком виде, как в мае месяце — валялись дела по столам, на полу были раскиданы материалы Московского архивного⁴⁰ О-ва. Это все в мае месяце случилось. Еще не так давно А.А. сказала, что она не чувствует призыва к архивному делу, что ее лучше удовлетворяет научная работа, что тут нужно очень долго сидеть и во все это входить. Пусть собрание не думает, что я в какой-нибудь степени старался сказать ей неприятное или очернить ее деятельность. Нет, то, что, возможно, было и что она делала — прекрасно.

---

³⁸ Вероятно, имеется в виду С. А. Семенов-Зусер.

³⁹ Вероятно, речь идет о приобретении работ Леона-Гюстава Шлюмберже (1844–1929) — французского византиниста, специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, члена-корреспондента РАН (1924 г.), роспись данных из которых и занималась, среди прочего, комиссия.

⁴⁰ Так, должно быть — археологического.

Она под моим руководством основной фонд архива проверила, а материалы Московского О-ва придется разобрать. Нельзя говорить, что это труха. Так к архивному материалу относиться нельзя. То, что осталось, нужно сохранить.

Относительно plagiat. Тут по этому поводу было столько сказано, что я должен сказать, что судить самого себя трудно и даже в некоторых случаях невозможно. Сегодня вскрылось очень много [134 об.] фактов, которые мне не были известны. Оказывается, предполагалось писать обо мне заграницей и т.д. Во-первых, я отвожу обвинение в том, что я писал научно-популярный дешевый товар, потому что это было в Советской России. Ничего подобного, если взять «Введение в археологию» и прочитать предисловие, то вот, что там сказано (читает). Значит, «Введение в археологию» имело целью подвести итоги прошлому. О.О. верно сказал, что эта мысль возникла из моих институтских лекций, поэтому я не делал ссылок. Там имеется примечание с ссылками на литературу, которая по данному вопросу существует, но ни одной ссылки там нет, и это произошло потому что если бы книга в 400 страниц была сдобрена цитатами, то она должна была бы значительно возрасти, [135] а мне просто на просто поставлены были издательством определенные рамки, чтобы не больше 10 листов был каждый выпуск.

Теперь прошу обратить внимание также на то, что эта книжка, равно как книжки предшествующие, а не выпущенные после «Археологии», она выпущена в 1923 г. Я предлагаю вспомнить каждому, в каком положении вся наша продукция и литература до 1923 г. была. Если взять первую мою книжку, «Введение в историю Греции», уже одно то, как она напечатана, приводит в ужас. Ее, кажется, на ручной машине напечатали. С 1923 г. я ни одной научно-популярной книжки не писал, этими научно-популярными книжками я подвел итог своей профессорской деятельности, и, если они не нужны, пускай их выбросят, если они могут принести пользу, пускай ими пользуются. Я думаю, они пользу принесут в том смысле, что там есть большие библиографические указания. После 1923 г. я ни одной научно-популярной книжки не писал.

Тут указывалось, очевидно, с целью меня опозорить, что русская наука должна вспоминать добрым словом русских царей. Позвольте рассказать почти анекдот. У меня было написано, что русская наука обязана в развитии археологии русским царям — этот факт нельзя оспаривать, прочтите, что я говорю. Какой тут произошел курьез? — Тогда был Главлит и все проходило через цензуру. Раз я прихожу в «Науку и школу». Мне запретили «Науки и школы» говорит с опаской: «Извините, не согласитесь ли вы сделать такое изменение. Так Главлит требует — у вас [136] написано, что «археология должна быть благодарна русским государям», не согласились ли бы вы написать «русским царям». — Сделайте ваше одолжение.

Вот в какое время мы жили и замолчать этот факт я не могу.

Я о plagiatе говорить не буду, потому что это надо рассматривать обстоятельно, и взять всю книжку, а не отдельные места, высчитывая процентное отношение и т.д.

Тут была брошена тень на мою несочувствующую советскому строю деятельность. Я в Академии материальной культуры состою с самого ее основания, был одним из товарищей Николая Яковлевича. Я думаю, если бы я действовал, определенно выражаясь, контрреволюционно, Николай Яковлевич не пропустил бы это. Но у меня и попыток таких не было. У меня была чисто деловая работа, надеюсь, на пользу Союза, а не во вред. Этую деловую работу я производил, как умел, но не жалея своих сил, потому что должен вам сказать, что начиная с 1918 г. я ни разу не пользовался отпуском. Отпуска вы у меня не найдете. Я отпуском не пользовался. Я думаю, я один из очень немногих советских служащих, потому что отпуском, законом предоставленным, я не пользовался. Не думайте, что у меня воловьи жилы и я не уставал. Нет, я очень уставал. Происходило это потому, что славившиеся обстоятельства мне не позволяли брать отпуск. Летом Фармаковский уезжал, и я исполнял обязанности ученого секретаря, [137] Н.Я.⁴¹ тоже уезжал, и я был один. Просмотрите все дела, которые прошли через меня и укажите хотя бы один антисоветский элемент, я буду очень благодарен.

Еще коснусь того, что мне рекомендует сделать П. Н. Шульц. Он возлагает на меня трудную задачу — начать снова учиться. Мне в сентябре стукнет 63 года, и снова учиться трудно, но то, что я не чужд тому, что делается, он сам может подтвердить. Я на всех заседаниях разрядов бывал и выступал со своими соображениями, так что же из чего это можно вывести? На счет того, что за какую тут новую учебу сесть — я боюсь, что сил не хватит для этого, тем более, что у меня имеется много ученых работ, которые нужно продвинуть и закончить, потому что я не рассчитываю прожить еще 63 года, и если проживу до 70 лет, что является предельным возрастом для ученого, то буду считать себя счастливым. Я могу сказать, что вся моя жизнь прошла главным образом в труде. Мы с Николаем Яковлевичем давно знакомы и вместе идем. Как он всю свою жизнь работал, так и я всю свою жизнь работал. Худо или хорошо, другое дело. Кое-что было худо, кое-что было хорошо. Я и сейчас продолжаю работать. Возьмите мою статью в «Известиях Академии наук» и вы увидите, что там такие вопросы разрабатываются, что можно позавидовать. Поэтому нельзя сказать, что я почию на лаврах. Написал научно-популярные книги и пользуюсь доходом с них. А если бы я сказал, сколько я за них получил, вы бы расхохотались. «Наука и школа» за печатный лист платила по 5 руб. Из этого, конечно, не следует, что если 5 р. получаешь, то нужно списывать с чужих книг. Но нужно посмотреть на характер этих книг и на ту цель, какую они преследуют. Если говорить о том, что эти книги должны служить для руководства, то я бы этого не рекомендовал, книжка должна ввести в археологию, там факт на факте, и учить ее нельзя. Ни одна студенческая голова этого не выдержит, вот все что [137 об.] я мог сказать. Повторяю, что я работал усердно. Некоторые находят, что я работал нечестно, это те, которые подразумевают, что я занимался списыванием с чужих книг, это их дело, но то, что я работал не покладая рук, это — несомненно. Если возникает вопрос о том, могу ли я работать дальше, то не мне об этом судить. Сам себя я ни на одно место

---

⁴¹ Имеется в виду Н. Я. Марр.

не выставлял и все подтверждают, что товарищем Председателя Академии во-все не по своему желанию я стал, а потому что в Академии создалось такое положение, что взяли и на меня обратили внимание и 6 л. я пробыл на этом месте, и в то же время я занимал ответственное место в Академии материальной культуры. Я научно не работал, потому что приходилось писать много бумаг, участвовать в составлении смет и т.д. Я знаю, что я человек трудолюбивый, а о другом предоставляю судить вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Разрешите объявить перерыв на 30 м.

...

[После оглашения постановления комиссии по персональной чистке]
[196]

ЖЕБЕЛЁВ. Прослушав решение комиссии и услышав, что относительно некоторых товарищей проявлена большая строгость, я должен сказать, что по отношению ко мне проявлена непонятная для меня мягкость. Из моей записи вы могли убедиться в том, какой же я заведующий архива. Я сам признался, что я не архивный работник, поэтому меня с архивной работы нужно снять. Точно также я считаю себя виновным в библиотечной деятельности. Само собою нужно было действовать энергично, требовать бригад, это может быть поставлено мне на вид. Я из чувства справедливости говорю, что, если по отношению к некоторым поступлено жестко, [196 об.] то по отношению ко мне поступлено мягко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это комиссия тоже учитет. Собрание считаю закрытым.

РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Op. 1 (1930). Д. 4. Л. 96–137 об., 196–196 об.

DOI: 10.26158/OIFN.2021.10.1.017

Список литературы

[б.а.] По-новому работать, по-новому руководить // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 3–4. С. 3–5.

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. Избрание С. А. Жебелева в действительные члены АН СССР // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. Vol. 13. P. 1–77.

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки. I: 1917–1927 // Вестник древней истории. 2020. № 2. С. 52–67 (2020a).

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. С. А. Жебелев в системе советской науки. II: 1927–1932 // Вестник древней истории. 2020. № 3. С. 698–718 (2020b).

Ананьев В. Г., Бухарин М. Д. «Академия рискует остаться без Галилея, а Галилей будет отдан под надзор как сомнительный элемент»: академик С. Ф. Ольденбург как зеркало русской академической науки конца 1920-х — начала 1930-х гг. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М., 2020. Т. 9. С. 230–249 (2020c).

Батлин А. Ю., Канторович А. Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология. 2001. № 3. С. 123–131.

Дружневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб., 2011.

- Жебелёв С.А.* Яков Иванович Смирнов // *Seninarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'Art. Études Byzantines.* 1928. Т. II. С. 1–19.
- Захарова Е.Ю., Бояркин М.В.* У истоков «советской науки на местах»: 1920-е годы в истории // Очерки истории отечественной археологии. М., 2019. Вып. V. С. 122–139.
- Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–141.
- Клейн Л.С.* История российской археологии: учения, школы и личности. СПб., 2014. Т. 2. Археологи советской эпохи.
- Копржива-Лурье Б.Я.* История одной жизни. Париж, 1987.
- Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* Центрархив РСФСР в 1920-е гг.: новый курс руководства архивной отраслью // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 3–17.
- Крих С.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М., 2020.
- Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // *Stratum plus.* 2014. № 1. С. 229–294.
- Кумпан К.А.* Институт истории искусств на рубеже 1920-х — 1930-х гг. [электронный ресурс] // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам. 2011. С. 540–637. Режим доступа: <http://old.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=lSfRoURS2-k%3D&tabid=10460> (ссылка последний раз проверялась 09.01.2021).
- Левченко В.В.* Процесс институционализации археологии на юге УССР в 1917–1930-х годах // Очерки истории отечественной археологии. М., 2019. Вып. V. С. 154–185.
- Носов Е.Н. (Отв. ред.-сост.)* Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010.
- Соломаха Е.Ю. (Сост.)* Государственный Эрмитаж. Музейные распродажи. 1930–1931. Архивные документы. СПб., 2016.
- Тихомиров О* О результатах обследования и чистки Государственной Публичной библиотеки в г. Ленинграде: [начало сент. 1930 г.] // Библиотечное дело в России (октябрь 1929 — май 1941): документы и материалы. М., 2007. С. 136–142.
- Тихомиров* Каким должен быть Наркомпрос (в порядке обсуждения) // Народное просвещение. 1930. № 1. С. 8.
- Тункина И.В.* «Дело» академика С. А. Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 116–161.
- Тункина И.В.* Из истории академических выборов 1927 года: письмо О. А. Добиаш-Рождественской М. И. Ростовцеву // Верхнедонской археологический сборник. 2015. Вып. 7. С. 128–134.
- Фоминых С.Ф., Шандала Д.Е.* «Чистка» студентов в Томском государственном университете в конце 1920-х гг. как инструмент пролетаризации высшей школы // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 177–182.
- Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1978.
- Coron L.* Les Sept baisers de Buckingham, comédie-opérette en 1 acte, par MM. Alfred Tranchant et Léon Coron, d'après le roman de MM. Emmanuel Gonzalès et Moléri... (Paris, Déjazet, 27 octobre 1866). Paris, 1866.

Список сокращений

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
Академия наук ЧР	— Академия наук Чеченской Республики
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
ГААОСО	— Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры (1926–1937 гг.)
ГА РФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГКО (ГОКО)	— Государственный комитет обороны (1941–1945 гг.)
ГФ НТД ПОМ	— Группа фондов научно-технической документации производственного объединения «Маяк» (расположен в г. Озёрске Челябинской области)
ЗАТО	— Закрытое административно-территориальное образование
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
ИАК РАН	— Институт археологии Крыма Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской академии наук
ИИА УрО РАН	— Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИЕТ РАН	— Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКП	— Институт красной профессуры (1921–1938 гг., впоследствии — Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), Академия общественных наук при ЦК КПСС)
ИРИ РАН	— Институт российской истории Российской академии наук
ИФЛИ	— Московский институт философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского (1931–1941 гг.)

ИФЛ СОЛ РАН	— Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет (совр. Санкт-Петербургский государственный университет)
ЛФТИ	— совр. Физико-технический институт им. А. Ф. Иоффе Российской академии наук
МАОГО	— Муниципальный архив Озёрского городского округа (Челябинская область)
МК УНГО «Городской архив»	— Муниципальное казенное учреждение Новоуральского городского округа «Городской архив»
НКРКИ	— Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (1920–1934 гг.)
ОГАЧО	— Объединенный государственный архив Челябинской области
ОИФН РАН	— Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭ	— Православная энциклопедия
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры (1919–1926 гг.)
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1930 гг.)
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО НА ИИМК	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа
СПбФ А РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ЦДООСО	— Центр документации общественных организаций Свердловской области

Сведения об авторах

Алиева Алла Ивановна — доктор филологических наук, академик Академии наук Чеченской республики, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН;

Ананьев Виталий Геннадьевич — доктор культурологии, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Батурин Юрий Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН;

Бухарин Михаил Дмитриевич — академик РАН, доктор исторических наук, руководитель Центра истории Древнего Востока Института всеобщей истории РАН;

Данилко Елена Сергеевна — профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Центром визуальной антропологии Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Загребин Алексей Егорович — профессор РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Зайцев Илья Владимирович — профессор РАН, доктор исторических наук, заместитель Генерального директора Государственного музея Востока;

Капинос Елена Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН;

Козлов Владимир Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;

Мальков Виктор Леонидович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Мельникова Наталья Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Муллонен Ирма Ивановна — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН;

Мунаев Ислам Булачевич — кандидат филологических наук, заведующий сектором фольклора и литературы Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики;

Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, старший научный сотрудник Российской государственной гуманитарной университете;

Побережников Игорь Васильевич — доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения РАН;

Попова Ирина Федоровна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института восточных рукописей РАН;

Силянтьев Игорь Витальевич — доктор филологических наук, директор Института филологии СО РАН;

Седов Владимир Валентинович — член-корреспондент РАН, доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник Института археологии РАН, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Сидорова Любовь Алексеевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. центром «Историческая наука России» Института российской истории РАН;

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, доктор исторических наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Михуко-Маклая РАН;

Усачев Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета).